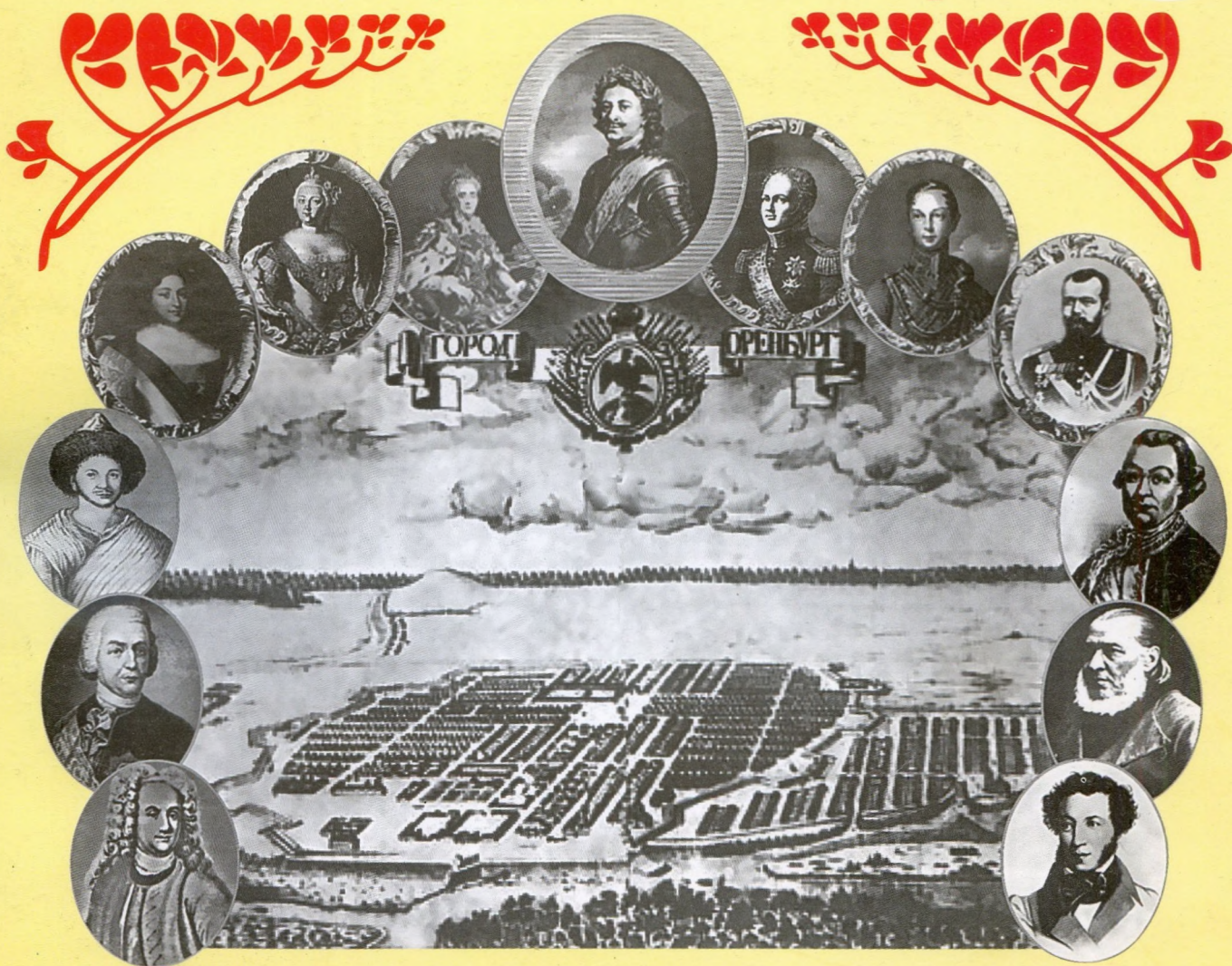

для тех, кто любит свой край

14+

ОРЕНБУРГСКИЙ
СЛАВЯНСКИЙ
БАЗАР

ОРЕНБУРГСКАЯ СТАРИНА

23

МАРТ 2013

*«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу
вокруг себя; ...но клянусь честью, что ни за что
на свете я не хотел бы переменить отечество,
или иметь другую историю, кроме истории
наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»*

Пушкину

ОРЕНБУРГСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

представляет
оренбургскую старину

Содержание

ЖУРНАЛ

№ 23

март 2013 г.

Учредитель:

Ю.П. Бельков

Научный консультант:

Д.А. Сафонов, д.и.н.

Редактор:

Е.С. Вовк

Верстка:

И.С. Чиликова

Корректор:

О.И. Гаврилина

Наш адрес:

ТК «Славянский базар»,

460000, г. Оренбург,

пр. Братьев Коростелевых, 1

тел.: 72-34-88.

тел.факс: (3532) 35-42-09

Электронная почта: slbazar@mail.ru

Журнал зарегистрирован
в управлении федеральной службы
по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
по Оренбургской области
4 октября 2008 года.
Регистрационный номер
ПИ № ТУ 56-000-42

Выходит

один раз в квартал

Номер отпечатан
в ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург,
ул. М. Джалиля, 6.

Тираж 1000 экз. Заказ 31.
Цена свободная

Редакция не всегда разделяет точку
зрения авторов публикаций.

Как это было	3
В. Сбоев. С праздником, станичники!	4
Юбилеи	
К. Рыжов. Трагедия Императора	5
Е. Вовк. Архипастырский подвиг	12
Хронограф	
История одной фотографии	
Е. Вовк. Салмышский бой	15
У наших соседей	
Н. Савичев. Физиономия г. Уральска и его окрестностей	18
Исторические подробности	
С. Соловьев. Битва на Калке	29
Летопись Победы (материалы этой рубрики подготовил Е. Вовк)	
Дети войны	32
Доброволец	34
Невозможное – возможно	
В. Плотникова. Небесная заступница	38
После парада Победы	
А. Фадин. Бросок через Хинган	41
К истории оренбургских поселений	
Б. Григорьев. Каменно-Озёрная станица	48
Вернисаж	
Пером и кистью	49
Далекое-близкое	
Г. Головин. Холодная весна 53-го года	51
Обратная связь	
Наша викторина	56
Казачья слава	
А. Шишов. Опальный герой	58
Первоапрельщинка	
Е. Днепровский. Удружил	60

6 мая – войсковой праздник Оренбургского казачества

Читайте на стр. 3-4

Как это было

День 26 апреля (6 мая по новому стилю) отмечался оренбургскими казаками со второй половины 18 века, почти сразу после основания Оренбурга. Вначале это был религиозный праздник, посвященный Дню Святого Георгия Победоносца. Лишь более века спустя, в 1887 году эта дата была утверждена официальным праздником оренбургского казачьего войска.

Торжества начинались молебном в Георгиевском храме (ныне не существующим). В присутствии губернатора и наказного атамана литургию совершал митрополит. После молебна войсковой атаман приглашал самых уважаемых казаков и гостей праздника на обед. Затем на форштадской площади начинался парад казачьих частей. Его открывали знаменосцы и Георгиевские кавалеры, заслуживающие это право в походах и боях. Стройнными рядами на рысях проходили всадники, чеканили шаг шеренги пеших казаков и воспитанников казачьих училищ.

Полюбоваться красочным зрелищем приходили тысячи людей. Особенно их интересовали состязания станичников в силе, ловкости и военном умении: скачках, джигитовке, рубке лозы, стрельбе по мишеням и фехтовании.

Войсковой праздник сплачивал казаков, способствовал укреплению славных казачьих традиций, патриотическому и воинскому воспитанию молодежи.

Парад на Форштадской площади. 1913 г.

*Никольский собор г. Оренбурга.
Освящение казачьих знамен. Современный снимок*

С праздником, станичники!

По уже установившейся традиции, Войсковой праздник оренбургского казачества начнется богослужением в Никольском кафедральном Соборе. Торжественное построение и другие официальные мероприятия пройдут у памятника оренбургскому казачеству на улице имени Чкалова. Этот монумент стал символом возрождения казачества в нашем крае.

Бронзовый всадник

Рядом с храмом над долиной
Он теперь на веки встал.
Будто бы дорогой длинной
Из легенды прискакал.

Сабля острая, булатная,
Пика грозная в руке
И винтовка безотказная,
Всё, как есть, при казаке.

Конь его, поднявши голову,
Так и просится вперёд.
Сколько он давил подковами
Не изъезженных дорог!

Знал казак, как в годы давние
Берегли покой земли,
Как полки казачьи славные
По степи с победой шли.

Как насмерть сражались с ханами
И врагами всех мастей,
Как гордились атаманами,
Волей-волюшкой своей!

Но за то, что не хотели
Жить с Советами в ладу,
На казачество надели
Пролетарскую узду.

Заклеймили, оболгали,
Запретили вольно жить...
Самых лучших – расстреляли,
И народу приказали
О казачестве забыть.

Нынче времена иные,
Час прозрения настал.
Всадник – вечный страж России –
Возведён на пьедестал!

В. Сбоев,
кандидат технических наук,
Заслуженный инженер
сельского хозяйства РФ

Трагедия Императора

145 лет назад родился св. Великомученик Николай Романов,
последний император Российской Империи

Николай вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой и, можно сказать, почти спартанской обстановке. Его отец, император Александр III, и мать, датская принцесса Дагмара (императрица Мария Федоровна), принципиально не допускали никаких слабостей и сантиментов в воспитании детей. Для них всегда устанавливался жесткий распорядок дня, с обязательными ежедневными уроками, посещениями церковных служб, непременными визитами к родственникам, обязательным участием в многочисленных официальных церемониях. Дети спали на простых солдатских койках с жесткими подушками, по утрам принимали холодные ванны и завтракали овсяной кашей. За вторым завтраком, за которым они встречались с родителями, было больше еды, но, так как они садились за стол после всех приглашенных и покидали его, когда отец вставал из-за стола, они часто оставались голодными.

До девяти лет воспитание цесаревича было поручено няням и боннам, затем учителям-наставникам, обучавшим мальчика чтению, письму, арифметике, началам истории и географии. Особое место занимал законоучитель протоиерей Янышев, прививший наследнику престола глубокую и искреннюю религиозность. В 1877 г., когда Николаю было 9 лет, и он перешел из женских рук в мужские, его главным воспитателем стал генерал Григорий Данилович. Он составил программу обучения цесаревича, рассчитанную на 12 лет. Но любимым наставником и воспитателем Николая был учитель английского языка Хетс, одаренный и обаятельный человек. Список предметов, подлежащих изучению, был очень широк. Первые

8 лет цесаревич проходил усложненный курс гимназии. Преподаватели отмечали его усердие и неплохие знания по всем предметам. С особым удовольствием Николай занимался языками. Он свободно владел помимо русского, немецким, французским и английским. Датский знал хуже. Кроме того, в молодости он недурно играл на фортепиано и рисовал. Большое внимание уделял спорту. Параллельно Николай проходил военную службу.

В 1885 г. Николай закончил среднее образование и перешел к изучению серии дисциплин, предусмотренных программами Академии Генерального штаба и двух факультетов университета – юридического и экономического. Высшее образование заняло у цесаревича еще 5 лет. Руководителем всего процесса обучения был теперь Победоносцев, читавший курсы законоведения, государственного, гражданского и уголовного права.

В 1887 г. Николая произвели в штабс-капитаны и определили в лейб-гвардии Преображенский полк. Благодаря своей скромности и простоте Николай был весьма популярен среди товарищей-офицеров. *«Я счастлив и могу сказать, что живу одной жизнью с армией и с каждым днем все больше и больше привыкаю к лагерной жизни, – писал он летом матери из Красного Села. – Каждый день нас муштруют*

дважды — это стрельба по мишеням утром и батальонные учения вечером... Мы завтракаем в 12 дня и обедаем в 8 вечера, мертвый час и чай между ними... Обедаем мы весело, кормят нас хорошо. После еды... офицеры играют в бильярд, кегли, карты или домино». В Преображенском полку цесаревич числился два года, сначала исполняя обязанности взводного, а потом ротного командира. Для приобщения к кавалерийской службе отец перевел его в лейб-гвардии Гусарский полк, где он командовал эскадроном. В 1890 г. обучение наследника завершилось. В мае Николай, который, кажется, начал уже тяготиться упорными занятиями, с видимым облегчением записал в своем дневнике: «Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия». Наступил новый, гораздо более приятный этап в его жизни.

Отец не обременял цесаревича государственными делами. Николай появлялся иногда на заседаниях Государственного совета, но взгляд его при этом постоянно устремлялся на часы. При первой же представившейся возможности он удибал. Рассеянная жизнь гвардейского офицера привлекала его гораздо больше. Как и все Романовы, он питал любовь к внешней стороне военного дела. Смотры, парады, учения никогда его не утомляли, и он безропотно переносил неудобства армейских будней на лагерных сборах или маневрах. Подобно всем офицерам гвардии, Николай много времени отдавал светской жизни. Два или три раза в неделю он присутствовал на балах. В его дневнике нередки записи типа: «Мы танцевали до упаду... потом ужинали... легли спать в 3 часа 30 минут утра». Порой встречаются и такие: «Мы напились... перепробовали 6 сортов портвейна и напились... Мы валялись в траве и пили... осоловели... офицеры принесли меня...». Много времени наследник проводил в театре: он обожал оперу и балет.

Очевидно, женщины тоже занимали его. Но любопытно, что первое серьезное чув-

ство Николай испытал к принцессе Алисе Гессенской, которая через несколько лет стала его женой. Впервые они встретились в 1884 г. в Петербурге на свадьбе Эллы Гессенской (старшей сестры Алисы) с великим князем Сергеем Александровичем. Ей было 12 лет, ему — 16. В 1889 г. Алиса провела в Петербурге шесть недель. Позже Николай писал: «Я мечтаю когда-нибудь жениться на Алисе Г. Я люблю ее давно, но особенно глубоко и сильно с 1889 года... Все это долгое время я не верил своему чувству, не верил, что моя заветная мечта может сбыться». Действительно, цесаревичу пришлось преодолеть много препятствий. Прежде всего, высшее общество и родители совсем не разделяли его пылкости. Алиса оставила о себе в Петербурге неблагоприятное впечатление. Говорили, что она дурно одевается, неуклюжа, неловко танцует, ужасно говорит по-французски, стыдлива, как школьница, чересчур нервна, чересчур робка и самонадеянна. Родители предлагали Николаю другие партии, но он решительно отказывался связывать себя с какой-либо другой принцессой.

Весной 1894 г. Александр III и Мария Федоровна вынуждены были уступить желанию сына. Началась подготовка к свадьбе. Но прежде чем ее успели сыграть, 20 октября 1894 г. Александр III умер. Ни для кого смерть императора не была более значимой, чем для 26-летнего молодого человека, унаследовавшего его трон. «Я увидел слезы в его глазах, — вспоминал великий князь Александр. — Он взял меня под руку и повел вниз, в свою комнату. Мы обнялись и заплакали оба. Он не мог собраться с мыслями. Он знал, что сейчас стал императором, и тяжесть этого ужасного события сразила его... «Сандро, что я должен делать? — восклицал он патетически. — Что же должно произойти со мной, с тобой... с Алисой, с матерью, со всей Россией? Я не готов быть царем. Я никогда не хотел быть им. Я ничего не понимаю в делах правления. У меня даже нет понятия, как разговаривать с министрами».

На другой день, когда дворец задрапировали в черное, Алиса приняла православие и с этого дня стала именоваться великой княгиней Александрой Федоровной. 7 ноября прошло торжественное погребение покойного императора в Петропавловском соборе в Петербурге, а через неделю состоялось бракосочетание Николая и Александры. По случаю траура не было торжественного приема и свадебного путешествия. После церемонии императорская чета переехала в Аничков дворец. Здесь, в апартаментах, состоящих из шести комнат, они провели первую зиму. Николай занимался государственными делами в небольшом кабинете, а в соседней комнате его жена изучала русский язык. Они могли видеться, когда хотели, и были безмерно счастливы этим. Вскоре после свадьбы Александра записала в дневнике своего мужа: *«Никогда не предполагала, что могу быть такой абсолютно счастливой в целом мире, так чувствовать единство двух смертных».*

Весной 1895 г. Николай перевез свою жену в Царское Село. Они поселились в Александровском дворце, который оставался главным домом императорской четы в течение 22 лет. Все здесь было устроено согласно их вкусам и желаниям, и поэтому Царское всегда оставалось их любимым местом. Николай обычно вставал в семь, завтракал и исчезал в своем рабочем кабинете, чтобы начать работу. Сидя за письменным столом, он одевался в простую холщовую рубаху, мешковатые штаны и мягкие кожаные сапоги. По стилю работы он был одиночкой и не имел личного секретаря. Он предпочитал делать все сам. На столе Николай держал календарь ежедневных встреч и скрупулезно вел его сам. Когда приходили официальные бумаги, он открывал их, читал, делал пометки, подписывал и сам заклеивал в конверт. В 11 часов император прерывал занятия и шел гулять по парку. Когда появились дети, они неизменно сопровождали его в этих прогулках. Иногда Николай брал ружье и стрелял в ворон. Своира из 11 превосходных шотландских колли

всегда сопровождала его. Зимой Николай вместе с детьми увлеченно строил ледяные горки. Обед в середине дня был официальной церемониальной процедурой. Хотя императрица обычно отсутствовала, Николай обедал с дочерьми и членами своей свиты. Еда начиналась, по русскому обычаю, с молитвы. Ни Николай, ни Александра не любили дорогих сложных блюд. Большое удовольствие он получал от борща, каши, отварной рыбы с овощами. Но любимым блюдом императора был жареный молодой поросенок с хреном, которого он запивал портвейном. После обеда Николай совершал прогулку верхом по окрестным сельским дорогам в направлении Красного Села. В 4 часа семья собиралась за чаем. Согласно этикету, введенному еще Екатериной II, к чаю подавались только сухари, масло и английские бисквиты. Пирожные и конфеты не допускались. Прихлебывая чай, Николай бегло просматривал газеты и телеграммы. Затем он возвращался к своей работе, принимая между 17 и 20 часами посетителей.

Ровно в 20 часов все официальные встречи заканчивались, и император мог идти ужинать. Вечером Николай часто сидел в семейной гостиной, читая вслух, в то время как жена и дочери рукодельничали. По его выбору это мог быть Толстой, Тургенев или его самый любимый писатель Гоголь. Но мог быть и какой-нибудь модный роман. Личный библиотекарь государя отбирал для него по 20 самых лучших книг в месяц со всех стран мира. Иногда вместо чтения семья проводила вечера, наклеивая фотографии, сделанные придворным фотографом или ими самими, в зеленые кожаные альбомы с тисненной золотой царской монограммой. В 23 часа сервировали вечерний чай. Прежде чем удалиться, Николай делал записи в своем дневнике, а затем принимал ванну, ложился в постель и обычно сразу засыпал. Отмечают, что, в отличие от многих семей европейских монархов, русская императорская чета имела общую кровать.

12 августа 1904 г. в императорской семье родился пятый ребенок. К великой радости родителей это оказался мальчик. Николай писал в своем дневнике: «*Великий незабвенный для нас день, в который так явно посе-*

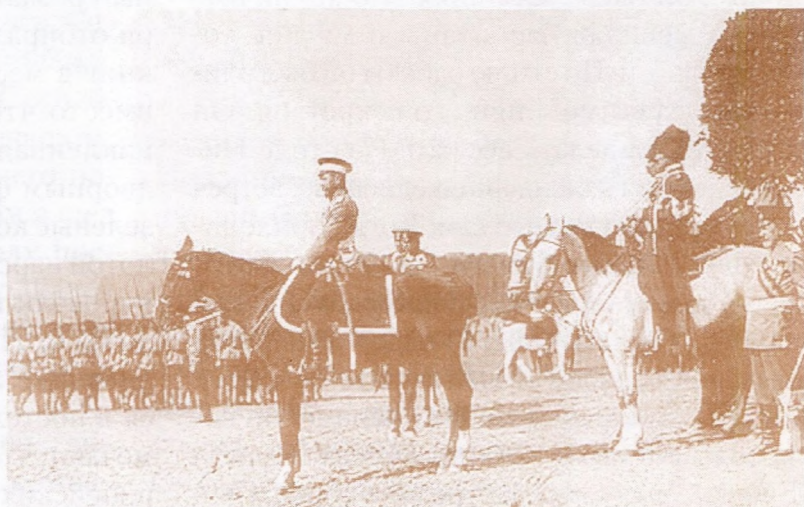
Семья Николая II

тила нас милость Божья. В 1 час дня у Алисы родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем». По случаю появления наследника по всей России падали пушки, звонили колокола и развевались флаги. Но, спустя несколько недель, императорская чета была потрясена ужасной вестью: оказалось, что их сын болен гемофилией. Следующие годы прошли в тяжелой борьбе за жизнь и здоровье наследника. Любое кровотечение, любой укол могли закончиться смертью. Самые тяжелые страдания и постоянное болезненное состояние вызывали кровотечения в суставах. Кровь,

заставаясь в ограниченном пространстве лодыжки, колена или локтя, давила на нервы и причиняла ужасные боли. Мучения горячо любимого сына разрывали сердца родителей. Особенно тягостно сказалась болезнь Алексея на императрице, которая с годами стала страдать истерией, сделалась мнительной и крайне религиозной. Потеряв веру во врачей, она все свои надежды возложила на милость Божью. Всякого рода странники и Божьи люди теперь были желанными гостями в императорской семье. Постепенно среди них выделился и набрал огромную силу Григорий Распутин.

Поначалу появление Распутина во дворце не получало широкого общественного резонанса. Но вскоре общество шокировали слухи о невероятной степени интимности, с которой Распутина принимали во дворце. Мало кто знал о способности этого простого сибирского мужика останавливать кровотечение и о том, что он часто оставался единственной и последней надеждой родителей. Так, в 1912 г. в Спале цесаревич Алексей после сильнейшего кровоизлияния едва не умер. Врачи признали свое бессилие, и только вмешательство Распутина в очередной раз спасло наследника. С этого времени его авторитет в глазах императорской четы стал безграничным.

Между тем, Россия переживала один из самых бурных этапов своей истории. Вслед

Николай II на параде войск

за японской войной началась первая революция, подавленная с огромным трудом. Императору пришлось согласиться на учреждение Государственной Думы. Следующие семь лет были прожиты в покое и даже при относительном процветании. Выдвинутый Николаем Столыпин начал проводить свои реформы. Одно время казалось, что России удастся избежать новых социальных потрясений, но вспыхнувшая в 1914 г. Первая мировая война сделала революцию неизбежной.

Сокрушительные поражения русской армии весной и летом 1915 г. вынудили Николая возглавить армию. С тех пор он много времени проводил в Могилеве и не мог глубоко вникать в государственные дела. Александра с большим рвением взялась помогать мужу. Но, кажется, больше навредила ему, чем действительно помогла. По всем вопросам императора советовалась с Распутиным. Влияние последнего на все стороны государственной жизни как раз в это время страшно возросло и стало совершенно нетерпимым. Дело дошло до того, что по его капризу назначали и меняли министров. Общество, особенно высшее, открыто осуждало Александру. Все, кто заботился о престиже династии: министры, великие князья, генералы и депутаты Думы, – сходились на том, что Распутин должен быть устранен.

И вот, в декабре 1916 г. против ненавистного «старца» составил заговор. Главными вдохновителями и исполнителями покушения были князь Юсупов, депутат Думы Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Им удалось заманить Распутина во дворец Юсуповых и там умертвить. Однако после его смерти положение не улучшилось. И высшие чиновники, и великие князья, и иностранные дипломаты чувствовали приближение революции. Они старались, как могли предупредить Николая. Неоднократно в эти месяцы Николаю предлагали отстранить от дел Александру и создать правительство, к которому народ и Дума будут иметь доверие. Но все эти по-

пытки не достигли цели. Николай дал слово вопреки всему сохранить в России самодержавие и передать его непоколебимым своему сыну; теперь, когда на него со всех сторон оказывали давление и требовали обратного, он остался верен клятве.

22 февраля 1917 г., так и не приняв решения о новом правительстве, Николай поехал в Ставку. Сразу после его отъезда в Петрограде началась революция. 27 февраля встревоженный Николай решил возвратиться в столицу. По дороге на одной из станций он случайно узнал, что в Петрограде уже действует временный комитет Государственной Думы, руководимый Родзянко. Тогда, посоветовавшись с генералами свиты, император решил пробираться в Псков. Здесь от командующего Северным фронтом генерала Рузского Николай 1 марта узнал последние потрясающие новости: весь гарнизон Петрограда и Царского Села перешел на сторону революции. Его примеру последовали гвардия, казачий конвой и Гвардейский экипаж с великим князем Кириллом во главе. Сообщение, что его личная гвардия дезертировала, было тяжелым ударом для Николая. Окончательно сразили его переговоры с командующими фронтами, принятые по телеграфу. Все генералы были беспощадны и единодушны: остановить революцию с помощью силы уже нет никакой возможности; во избежание гражданской войны и кровопролития Николай должен отречься от престола. После мучительных колебаний поздно вечером 2 марта Николай подписал свое отречение.

На другой день он дал приказ своему поезду ехать в Ставку, в Могилев, так как напоследок хотел попрощаться с армией. Здесь был арестован. С этого дня началось для него время постоянных унижений. 9 марта государя привезли в Царское. Тут почти вся свита немедленно покинула его. Когда же машина с низложенным императором подъехала к воротам дворца, они оказались заперты. Караул позвонил офицеру. Тот вышел на ступени и громко спросил: «Кто там?». Ему отвечали: «Николай Рома-

нов». «Открыть ворота бывшему императору», — распорядился офицер. Николай вошел в вестибюль дворца, никто из солдат не поднялся, не отдал честь и не снял шапку. Многие продолжали курить. Он миновал их, не говоря ни слова. Только лакей на верхнем этаже громко объявил: «Его Величество Император!». Александра с рыданиями бросилась к нему на шею и крепко обняла. Тут силы покинули Николая: уронив голову на грудь жене, он заплакал как дитя. На другой день он хотел прогуляться по парку, но едва вышел на улицу, как его окружили шестеро солдат. «Они все время толкали государя, — вспоминала Анна Вырубова, — как будто он был какой-то преступник, приговаривая: «Туда нельзя ходить, господин полковник», «Мы не позволим вам гулять в этом направлении, господин полковник», «Вернитесь, когда вам говорят, господин полковник». Не изменившись в лице, Николай вернулся во дворец.

Потянулись дни затворничества. Караул вел себя вызывающе грубо. Еще обиднее было видеть предательство тех людей, которых привыкли считать самыми близкими. Почти вся прислуга и большинство фрейлин бросили дворец и императрицу. Доктор Остроградский отказался ездить к больному Алексею, заявив, что «находит дорогу слишком грязной» для дальнейших посещений. Тем больше благодарности вызывала верность немногих оставшихся при опальной семье слуг и друзей. В долгом заключении Романовы коротали время за просмотром фильмов, подаренных еще до революции компанией Пате. Кроме того, Николай и Александра возобновили занятия с детьми. Сам Николай взял на себя преподавание истории и географии. По газетам и журналам он с острым интересом следил за политическими и военными событиями. Много и подолгу он возился с детьми, сам чистил снег на дорожках и много читал. В мае Николай с помощью детей начал вскапывать огород. Летом, когда посадки были закончены, он стал пилить на дрова сухие деревья в парке. Вскоре штабеля аккуратно

сложенных дров появились в разных уголках парка.

Тем временем, ситуация в стране снова начала обостряться. Керенский, возглавлявший к этому времени Временное правительство, решил, что в целях безопасности царскую семью надо отправить подальше от столицы. После долгих колебаний он приказал перевезти Романовых в Тобольск.

Дети Николая II в Тобольске

Переезд состоялся в начале августа в глубоком секрете. В Тобольске царская семья прожила восемь месяцев. Материальное положение ее было очень стесненным. Александра писала Анне Вырубовой: «Я вяжу носки для маленького (Алексея). Он требует еще пару, так как все его в дырках... Я сейчас делаю все. Папины (царя) штаны порвались и нуждаются в штопке, и нижнее белье девочек в лохмотьях... Я стала совсем седой...». После октябрьского переворота положение узников стало еще хуже. 1 марта 1918 г. пришло распоряжение перевести «Николая Романова и его семью... на солдатский рацион». В пересчете на 7 человек это означало 4200 рублей в месяц. Масло и кофе были исключены как излишняя роскошь.

В апреле Романовых перевезли в Екатеринбург и поселили в доме купца Ипатьева, которому суждено было стать их последней тюрьмой. В пяти верхних комнатах второго этажа поселилось 12 человек. В первой жили Николай, Александра и Алексей, во второй — великие княжны. Оставшиеся

были поделены между прислугой. На новом месте Николай и его близкие почувствовали себя настоящими пленниками. За забором и на улице располагалась внешняя охрана из красногвардейцев. В доме всегда находилось несколько человек с револьверами. Эта внутренняя охрана была отобрана из самых надежных большевиков и настроена очень враждебно. Ею командовал Александр Авдеев, именовавший императора не иначе как «Николай Кровавый». Никто из членов семьи не мог уединиться, и даже до туалета великие княжны шли в сопровождении кого-нибудь из конвоиров. Так же под конвоем Романовых один раз в день выводили на прогулку. В основном жизнь семьи протекала внутри дома. На завтрак подавали только черный хлеб и чай. Обед состоял из супа и котлет. Караульные часто на глазах обедавших брали руками куски из кастрюли. Одежда заключенных совсем обветшала. Последние недели Николай носил гимнастерку и брюки защитного цвета, обувался в старые поношенные сапоги.

4 июля Уральский Совет сместил Авдеева и его людей. Их место заняли 20 чекистов во главе с Юровским. Несмотря на то, что он был гораздо вежливее Авдеева, Николай с первых дней почувствовал исходившую от него угрозу. Действительно, тучи сгущались над семьей последнего русского императора. В конце мая в Сибири, на Урале и в Поволжье вспыхнул чехословацкий мятеж. Чехи развернули успешное наступление на Екатеринбург. 12 июля Уральский Совет получил разрешение из Москвы самому решить судьбу низложенной династии. Совет постановил расстрелять всех Романовых и поручил исполнение казни Юровскому. Уже позже белогвардейцам удалось захватить нескольких участников расстрела и с их слов восстановить во всех подробностях картину казни.

16 июля 1918 г. Юровский раздал чекистам 12 револьверов и объявил, что расстрел будет произведен сегодня. В полночь он разбудил всех узников, велел им быстро одеть-

ся и спуститься вниз. Было объявлено, что чехи и белые приближаются к Екатеринбургу и местный Совет решил, что они должны уехать. Николай спустился по лестнице первым, неся на руках Алексея. Анастасия держала на руках спаниеля Джимми. По цокольному этажу Юровский привел их в полуподвальную комнату. Здесь он попросил подождать, пока не придут автомобили. Николай попросил стулья для сына и жены. Юровский велел принести три стула. Кроме семьи Романовых, здесь находился доктор Боткин, лакей Трупп, повар Харитонов и комнатная девушка императрицы Демидова.

Когда все собрались, Юровский снова вошел в комнату, сопровождаемый всем отрядом ЧК с револьверами в руках. Он вышел вперед и быстро сказал: «Ввиду того, что ваши родственники продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил расстрелять вас». Николай, продолжая поддерживать рукой Алексея, стал подниматься со стула. Он только успел сказать: «Что?», и тут Юровский выстрелил ему в голову. По этому сигналу чекисты начали стрельбу. Александра Федоровна, Ольга, Татьяна и Мария были убиты на месте. Боткин, Харитонов и Трупп были смертельно ранены. Демидова осталась стоять на ногах. Чекисты схватили винтовки и стали преследовать ее, чтобы добить штыками. С криками она металась от одной стены к другой и наконец, упала, получив более 30 ран. Собаке размозжили голову прикладом. Когда в комнате воцарилась тишина, послышалось тяжелое дыхание цесаревича — он все еще был жив. Юровский перезарядил револьвер и дважды выстрелил мальчику в ухо. Как раз в этот момент Анастасия, которая была только без сознания, очнулась и закричала. Ее также добивали штыками и прикладами...

Мученическая смерть Николая II и его семьи ничем не оправдана. Лишать его жизни без суда и следствия — преступно, а расправляться с его женой, сыном и дочерьми — чудовищно.

Архипастырский подвиг

В этом году митрополиту Оренбургскому и Бузулукскому Леонтию исполнилось бы сто лет.

Вся жизнь его была подвигом, хотя сам он очень скромно оценивал свои труды и вообще избегал громких фраз. Несмотря на высокий сан, он был удивительно неприхотлив в быту. В его ничем не примечательном домике на Пугачевской улице главным богатством были иконы и книги. Никакого намека на роскошь, ничего лишнего. Выделялась лишь библиотека, насчитывающая несколько тысяч фолиантов – отечественных и зарубежных. Владыка владел шестью языками, и многие иностранные книги читал в подлиннике. Это был высокоэрудированный человек большого духовного и жизненного опыта, большой культуры.

Внешне он ничем не отличался от своих прихожан. Когда снимал с себя митрополичье одеяние и оставался в простой мирской одежде, то больше походил на доброго дедушку, чем на мудреца и главу епархии. И люди тянулись к нему со своими радостями и бедами как к родному человеку. Он умел внимательно выслушать, душевно побеседовать, просто и понятно объяснить самые сложные явления, предостеречь от греха, вселить в человека покой и веру в божью благодать.

Так отзывались о нем все, с кем мне приходилось беседовать о Владыке. Лично я не был с ним близко знаком. Глаза в глаза мы встречались всего два раза. В 1983^м году я брал у него интервью для областного радио.

Комната, в которой он принимал посетителей, находилась в ту пору в старом здании епархии. В тесном помещении, кроме стола и трех стульев, никакой мебели не было. Скучность обстановки скрашивало радушие хозяина. Митрополит располагал к себе сразу и навсегда. Это я почувствовал, как только соприкоснулись наши руки. С его стороны это был жест вежливости и понимания: в ту пору я был коммунистом, он,

видимо, догадался об этом и протянул мне руку не для поцелуя, как принято у верующих, а для рукопожатия.

Записывать его было легко. На вопросы он отвечал охотно и основательно, говорил просто и понятно. Когда интервью закончилось, вопросы стал задавать он. Поинтересовался, где я родился, кто мои родители. Узнав, что мой отец погиб в Белоруссии, положил свою теплую ладонь на мою руку.

– А знаете, я ведь по национальности белорус, и знаю не понаслышке, как много пришлось пережить и перенести моему народу в ту страшную войну. Сам видел зверства фашистов, многое узнал от партизан, с которыми не раз встречался. Все, кто погиб на земле Белоруссии, изгоняя врага, – мне братья. И в вашем лице я благодарю вашего отца, царство ему небесное!

Второй раз мы встретились летом 1993 года. Стояла несусветная жара. На ступеньках Дома Советов я столкнулся с диктором радио Галиной Литвиновой. Остановились на минутку, о чем-то заговорили. И вдруг кто-то деликатно тронул меня за плечо. Оглядываюсь – Владыка. Я поразились: неужели помнит! Ведь после нашей единственной

встречи прошло 10 лет! А он ведет себя так, будто мы расстались только вчера. Расспрашивает о здоровье, о семье...

Какие-то люди, стоящие поодаль, выражали признаки нетерпения и неудовольствия – они с Митрополитом куда-то спешили, а он неожиданно, не запланированно задержался возле меня. Говорили мы не долго, но разве в этом дело? Я был удивлен его памятью и обрадован его вниманием. Всего пять-шесть благожелательных фраз, улыбка, рукопожатие – но как это дорого! И как это характеризует человека!

После этой встречи мне стало стыдно, что Владыка знает обо мне больше, чем я о нем. Я стал изучать его жизнь и служение и неожиданно открыл поразительную закономерность: почти все значительные события в его биографии выпадают на даты, которые оканчиваются на цифру «три» или на эту цифру делятся.

Посудите сами. Он родился в 1913 году. В 1939 г. окончил богословский факультет Варшавского университета и получил степень магистра богословия. В 1943 г. был рукоположен в иеродиакона. В 1953 г. его назначают наместником Жировицкого монастыря и возводят в сан архимандрита. 9 августа 1956 года в г. Минске состоялось наречение архимандрита Леонтия в епископа Бобруйского, викария Минской епархии. И, наконец, в 1963 году он начинает свое архипастырское служение в Оренбургско-Бузулукской епархии.

Пойдем дальше. В 1983 году Владыка Леонтий был награжден Русской Православной Церковью орденом святого равноапостольного князя Владимира II степени, в 1996 году – орденом святого благоверного князя Даниила Московского I степени. Были у него и другие награды.

Начиная с 1799 года вплоть до вступления на кафедру Владыки Леонтия, Оренбургской епархией управляли 33 архипастыря. Лишь трое из них правили более десяти лет: преосвященные Августин (1806-1819), Иоанникий (1835-1849) и Митрофан (1866-1879). Остальные архипастыри сменялись часто, а митрополит Леонтий бессленно находился на Оренбургско-Бузулукской кафедре целых 36 лет! Всего же служению Господу Богу он посвятил 63 года.

Во всех приведенных числах последняя цифра является тройкой или делится на три. Не смею делать по поводу этого никаких выводов. Решайте сами – простое ли это совпадение? Лично я, в связи с этим, вспоминаю святую Троицу, возраст Иисуса Христа – 33 года и осенение крестом тремя перстами. Может, цифра «три» – спутница святости?

Умер Владыка 24 января 1999 года.

Этот сверкающий белизной снега день для православных верующих казался черным. Скорбно и торжественно его похоронили в Пантелеймоновом пределе Никольского собора. В память о Владыке – старейшем митрополите Русской Православной Церкви и его архипастырском служении в Оренбургско-Бузулукской епархии, сквер на улице Чкалова областного центра назван его именем. На пожертвования оренбуржцев установлен мемориальный знак в честь Владыки Леонтия.

Он всегда с нами.

Торжественное открытие мемориального знака в сквере имени Владыки Леонтия

Е. Вовк

ХронографЪ

Оренбургский исторический календарь

1553 г. – Покорение Иваном IV Грозным Казанского царства. Участие казаков в осаде Казани.

1613 г. – Яицкие казаки получили Всемиловейшую грамоту от царя Михаила Федоровича на подданство.

1683 г. – Пять сотен яицких казаков около Мензелинска усмирили восстание башкирцев, за что жалованы были, сверх денег и сукна, артиллерийскими снарядами. Прежде они палили из деревянных пушек камнями и костями.

1725 г. – Путешествие Петра I по Каспийскому морю. Император намеревался построить в будущем на реке Яик город, завести торговлю с Хивой и Бухарой, а возможно и с Индией, укротить киргиз и для того учредить пограничную линию по реке Яику.

1753 г. – Около Закамской линии на речке Кармале началось строительство первого нефтяного завода. Тогда же башкирцы были освобождены от ясачных

взносов, но им было велено покупать соль из казны, а не вывозить вольно из Илецкой защиты.

1773 г. – Бунт самозванца Емельяна Пугачева. К концу года его войско захватило почти все крепости, форпосты и населенные слободы Оренбургской губернии. Не были взяты, но находились в осаде только три крепости: Оренбургская, Яицкий городок и Верхнеозерная. 5 октября повстанцы двинулись на Оренбург.

1803 г. – Высочайше утвержден новый штат для управления Оренбургским казачьим войском.

Оренбургский тысячный казачий корпус наименован неперменным полком.

Уральское Войско подчинено оренбургскому военному губернатору. Уничтожен наём на службу. Введены одинаковые мундиры. Войсковая канцелярия преобразована в управление.

Салмышский бой

Е. Вовк

26 апреля 1919 года на реке Салмыш произошло сражение, определившее весь дальнейший ход Гражданской войны в Оренбуржье

Об этом мне напомнила фотография, опубликованная в издававшейся отдельным листком программе передач областного телевидения в сентябре 1966 года. С тех пор прошло 47 лет, снимок пожелтел, но, несмотря на плохое качество, я все-таки решил поместить его на эту страницу, поскольку он дорог и представляет интерес не только для меня: на нем запечатлены ключевые фигуры Салмышского боя: начальник штаба 277 орского стрелкового полка Иван Васильевич Бородин, комиссар этого полка Михаил Иванович Терехов и пулеметчик Федор Васильевич Монастырский.

Предыстория этой фотографии такова. В 1966 году я возглавлял редакцию пропаганды областного телевидения. Приближалась 47^я годовщина Салмышского боя и мы решили подготовить цикл передач, посвященных этому событию. Через объявление пригласили всех участников боя, но в студию пришли только трое... Гражданская и Великая Отечественная войны, репрессии и голод 1921 и 1933 годов сделали свое дело – к тому времени тех, кто сражался на Салмыше, почти не осталось, а сейчас в живых нет уже никого...

С участниками нашей передачи мы побывали на месте Салмышского боя и при помощи их восстановили в деталях происходившие там события.

...Весной 1919 года войска адмирала Колчака предприняли наступление на Орен-

На снимке: И.В. Бородин, М.И. Терехов, Ф.В. Монастырский и автор этой статьи Е. Вовк в студии телевидения. 1966 год

бург, стремясь, во что бы то ни стало, вновь овладеть им после того, как в январе 1918 года Красная Армия вышибла из него белоказаков. Задача захвата города была возложена на 4ый армейский корпус генерала Бакича, наступавшего с северо-востока, где советских войск было очень мало. Бакич был уверен в победе: ему противостоял лишь 277 орский рабочий полк. Но самоуверенность сыграла с генералом злую шутку. Красные его перехитрили.

Полк незаметно переправился на правый берег Сакмары и занял удобные позиции. Белая разведка не обнаружила угрозы и войска корпуса на паромах и лодках начали форсировать широко разлившуюся в половодье речку Салмыш. Было раннее утро, над водой навис туман. Ничего не предвещало опасности. И вдруг на войска корпуса обрушился шквал огня. Бойцы 277го полка зажали белогвардейцев в треугольнике между реками Янгиз и Салмыш. Ожесточенная схватка длилась до вечера.

Полк шесть раз ходил в атаку, всё более оттесняя переправившиеся части белых к Салмышу. В решающий момент на помощь красным подоспели бойцы 211 советского полка и корпус генерала Бакича был разбит. Остатки его были сброшены в воду или взяты в плен. План Колчака овладеть Оренбургом провалился. Воодушевленные победой на Салмыше, советские войска и на других участках фронта перешли в наступление.

На месте Салмышского боя Федор Васильевич Монастырский показал съёмочной группе телевидения овражек, где он укрывался, ведя огонь из пулемета, сначала вторым номером пулеметного расчета, а потом, когда первый номер был ранен, заменил его. В ту пору было Федору 18 лет...

Меня поразила память собеседников. Они помнили Салмышский бой в деталях, без труда называли имена однополчан: пулеметчиков Петра Макеева и Владимира Исакова, бойцов Семёна Ермолаева, Алексея Иванова, братьев Черненко, Алексея Манаева с сыновьями и многих других. Михаил Иванович Терехов, человек наблюдательный и разговорчивый, пояснил:

- То, что было, скажем, позавчера, я могу забыть, а тот бой помню. Это потому, что память хранит только самые яркие, неординарные события, не задерживаясь на мелочной повседневности. Кроме того, мы в ту пору были молодыми, а молодая память крепкая...

Отыскивали мы и место на берегу, где пуля нашла комиссара полка М.И. Терехова. Он получил ранение в голову, но не оставил поле боя. Продолжали находиться в строю также раненые командир пулеметной команды Петр Макеев, пулеметчик Владимир Исаков и многие другие. Героизм был массовым, и это обескуражило белогвардейцев. Михаил Иванович рассказал, что уже в су-

Красноармейцы на марше

мерки, когда исход боя был практически ясен, на противоположном берегу Салмышы вдруг вспыхнула перестрелка – это полностью деморализованные белогвардейцы по ошибке стали палить в своих, приняв их за противника. Белые, находившиеся на этой стороне реки, также решили, что красные части зашли им в тыл. Началась паника, массовая сдача в плен.

За победу на Салмыше 277 орский рабочий полк был награжден почетным Красным Знаменем и орденом Красного Знамени. История этого полка началась в феврале 1918 года, когда в Орске создавалась Красная гвардия. В нее записывались вернувшиеся с Германской войны солдаты, рабочие кожевенного и винного заводов, мельниц, железнодорожники. Вслед за этим, красногвардейские отряды образуются по всему орскому уезду – на рудниках Баймака, в Кувандыке, в башкирском селе Ягофарово, в поселках Домбаровского района и т.д.

Во второй половине июля была организована Орская дружина. Командовал ею Н. МIRONНИКОВ, на должность адъютанта (т.е. начальника штаба) избрали И. БОРОДИНА. В эту дружину вступил 17-летний Федор МОНАСТЫРСКИЙ и два его брата. Всем дружинникам выдали винтовки и по десять патронов. Немного позже сформировался орский мусульманский отряд, состоявший из беднейших слоев татарского и башкирского населения.

Орск в то время был красным, а в Оренбурге орудовали дутовцы, которые контролировали и железную дорогу. Они в любую минуту могли оказаться под Орском, чтобы свергнуть советскую власть. Для обороны города необходимо было объединить все красногвардейские дружины и отряды. На их основе образовался Орский Красногвардейский добровольческий пехотно-стрелковый полк, который выдержал всю тяжесть удара белоказаков, окруживших город со всех сторон. Особенно жаркий бой состоялся 11 августа на горе Кумак. Превосходящие силы противника не сломили стойкость обороняющихся. Орский рабочий полк долго и успешно отражал атаки белоказаков.

Лишь когда кончились боеприпасы, было принято решение временно оставить Орск и отступить в сторону Актюбинска. Полк прикрывал эвакуацию и дал возможность избежать лишних потерь. Его бойцы и командиры героически сражались на Актюбинском фронте. К тому времени полк был включен в состав Красной Армии и официально именовался уже иначе: 277ый орский стрелковый полк, хотя в обиходе его продолжали называть 277ым рабочим полком. Командовал им Михаил Юлин.

В конце 1919 года колчаковцы и белоказаки были окончательно изгнаны из пределов оренбургской губернии и разбиты. Однако все еще полыхал юг России, где шли ожесточенные бои с войсками барона Врангеля. В 1920 году 277 орский стрелковый полк срочно направляется в Крым, участвует в штурме Чонгарского моста через Сиваш, в освобождении Джанкоя, Симферополя, Алупки, Ялты...

Вот о чем напомнила мне фотография, сделанная 47 лет назад.

С некоторыми участниками Салмышского боя я встречался и позже. По-разному сложилась их судьба. Некоторые были репрессированы в тридцатых годах и освобождены лишь в пятидесятых, многие воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Бывший юноша-пулеметчик Федор Мона-

стырский навсегда связал свою жизнь с армией.

Особенно отличился в боях за Северный Кавказ в прославленной 18ой армии генерала Леселидзе. На «Малой земле» под Новороссийском познакомился и подружился с полковником Леонидом Брежневым.

В семидесятых годах полковник морской пехоты в отставке Ф.В. Монастырский, посетив в очередной раз Оренбург, привез и подарил друзьям книгу своих воспоминаний. С улыбкой рассказывал о перипетиях её издания.

Ни одно издательство книгу его мемуаров печатать не хотело. Куда он только не обращался – кругом отказ. Намучавшись, Федор Васильевич пошел на крайнюю меру – решил обратиться за помощью к Генеральному секретарю ЦКПСС Леониду Ильичу Брежневу. Написал ему письмо, напомнил о совместной службе и дружбе в годы войны, хотя не очень-то надеялся, что письмо попадет в руки Генсека, а если даже и попадет, то Брежнев вряд ли найдет время встретиться со своим боевым товарищем.

Но произошло чудо. Его вызвали в Кремль. Леонид Ильич встретил его просто и сердечно. Они беседовали больше часа, вспоминали молодость, фронтовые пути-дороги, боевых друзей...

Брежнев полистал рукопись, прочел несколько страниц, на которых увидел свое имя, и распорядился книгу издать. После этого все пошло, как по маслу. Мемуары издали массовым тиражом на отличной бумаге, в роскошном переплете.

По этому поводу Федор Васильевич шутил:

- Это моя самая большая победа.

Жаль, что у других участников Салмышского боя и прочих сражений такой возможности не было. Поэтому мемуарной литературы о Гражданской войне в Оренбуржье почти не существует. По крайней мере, до обидного мало, а короткие газетные публикации не позволяют нынешним читателям в полной мере ощутить трагизм, героизм и романтику тех лет.

ФИЗИОНОМИЯ Г. УРАЛЬСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

У оренбургских и уральских (яицких) казаков единая историческая судьба. Их связывают географическое соседство, этнические особенности, совместные воинские походы, активное участие в пугачёвском бунте, а также то, что Оренбург и Уральск одновременно отмечают юбилейные даты – Оренбургу исполняется 270 лет, а Уральску (яицкому городку) – 400.

В связи с этим нашим читателям, наверное, интересно узнать, как развивалась столица Уральского казачьего войска, и каким был этот город 139 лет назад. Публикуемый очерк, принадлежащий перу уральского историка, бытописателя и этнографа Никиты Федоровича Савичева, был напечатан в «Уральских войсковых ведомостях» в 1874 году. Мы воспроизводим его в сокращенном варианте.

Смотря на то, как на наших глазах быстро распространяется г. Уральск, украшается красивыми домами и домиками, рождается желание заглянуть в возможно отдаленное прошедшее, чтобы узнать постепенное распространение Уральского и изменение его окрестностей.

Известно, что Яицкие казаки переселились с Кирсановского яра на нынешнее место, при впадении р. Чаган в Урал, около 1613 года. Первое место заселения, начиная от берегов Урала, вероятно, носило название Куреня, так как донныне эта местность, по Петропавловскую церковь, называется Куренями. Население подвигалось с юга на север, начиная от Урала, между Чаганом и старицею (древним руслом Урала).

За 1748 год Рычков вот что писал об Уральске:

«Дворов (в Яицке) около 3.000, построенные большею частью по старому реки Яика течению, что у них называется старицею, с внутренней стороны, да по р. Чагану, коя тут же впала (в р. Яик), а отчасти и по Яику, но все на внутренней стороне.

Церквей было тогда 4, а пятая соборная, каменная, во имя архистратига Михаила, строилась, коя ныне уже и отстроена. Улицы в нем (Яицком городке) но большей части тесные, а некоторые так узки, что двум телегам разъехаться почти невозможно. Что до укрепления надлежит, то в 1744 году все жильё в одну сторону от р. Чагана к старому течению Яика

(старице) двойным плетнем обнесено, между которого насыпана земля, и укреплено столбами, а снаружи весь оный плетень обмазан глиной и кругом всего сделан ров, что все чрез посланных из Оренбурга инженеров, сколько возможно, по инженерной науке сделано; а с прочих сторон, окружая все селение, означенная старица и р. Чаган местоположение оной делают довольно оборонительным».

И не один Яицкий городок так импровизированно был защищен. Ешевский писал, что сначала Оренбургская крепость, когда она стояла на месте нынешней Орской, тоже была защищена «забором из плетня, осыпанным землею».

Известно, что Яицкий городок, подвергался нередко истреблению от больших пожаров, и это было немудрено, если улицы его были едва проезжны для двух телег, как свидетельствует Рычков. Пожары, хотя изменяли физиономию Уральска, но не внушали жителям его благоразумия: вновь он строился почти так же уродливо, как прежде. Только в 1807 г. ему дан окончательно определенный план, но это впереди. Начнем с 1772 года. От этого времени уцелел план Яицка, снятый по распоряжению г.м. Фреймана. Этот же, 1772 год, напоминает кровавое событие в Яицком войске, подготовленное полувековую борьбой, с одной стороны, атаманско-старшинскою партией за принцип личных интересов, с другой, казачьей стороны, за принцип справедливости и неприкосновенности форм общинного самоуправления.*

Во время небольших половодий, между старым и настоящим течением Урала, образуется остров, который прозван Вальковым. Вальковым этот остров (а скорее полуостров) назван по следующему случаю. Солдаты, оставленные на экзекуции в Уральске Оренбургским военным губернатором князем Волконским, после введения штата об управлении войском, позволяли себе разные своевольства. Однажды они

очень назойливо пристали с любезностями к женщинам, полоскавшим белье в старице против острова, тогда еще безымянного, и оскорбили этих женщин, не желавших разделять их ласки.

Казачки, мужья обиженных женщин, желая проучить солдат, замаскировались (нарядились) женщинами, взяли белье, вальки, которыми колотят при полоскании белья, и пошли вечерком совершать прачечное дело. Не ожидавшие обмана солдаты пришли на любовную охоту и дорого заплатились за нахальство: переодетые казаки так отколотили их вальками, что любвеобильные нахалы на всю жизнь дали зарок никогда не приставать к казачкам.

Скажем несколько слов об этом острове. Слышал я от старожилков, что он в конце прошлого столетия изобиловал фруктовыми садами и овощными огородами.

Между тем, Яицкий городок распространялся по мере увеличения народонаселения; он уже переполнил Курени, начал заселять Форштадт, кинулся по кряжу Михайло-Архангельской старицы на восток. По переписи Захарова в 1723 году (более чем через 100 лет после переселения) в Яицком войске было 3196 служащих казаков; в 1765 г. – по именным спискам уже 9783 человека мужского пола.

По свидетельству Рычкова в 1758 году в городе насчитывалось две тысячи домов, а по замечанию путешественника Палласа, посетившего Яицк 11 лет спустя, здесь было уже три тысячи домов и до 15^{тыс} тысяч человек мужского пола, в числе которых 4200 человек «отборного и на службу записанного войска, купно с посланными к армии и на Яицкой линии служащими казаками».

В 1772 г. городской вал проходил от Чагана на север (по западной стороне города) до нынешних мясных рядов, отселе шел на восток, через нынешнюю базарную площадь, по бульвару, и немного подалее площади теперешнего зимнего базара поворачивал па юго-восток, захватывая часть Новоселок и, уклоняясь на юго-запад, составлял угол. Это было ограничение Яицкого городка нехитрым ук-

* Имеется ввиду востание казаков в 1771-1772 гг.

реплением – рвом и валом; но за валом с восточной стороны города уже было распланировано место для жительства до Солдатской старицы и до берегов, где, может быть, за столетие до того времени протекал Яик. На вновь отведенном месте уже довольно построилось тогда новых жилищ, отчего эта часть города названа Новоселками и удерживает это название до сего времени при населении большим вдесятеро.

Выездов из города было 3: один около нынешних мясных рядов, другой около биржи, а последний, где ныне бульвар пересекается улицею.

В то время улицы города были узкие до неудобства и кривые до безобразия; ни одна из них не пересекалась под прямым углом, и ни один колонок не имел формы правильного четырехугольника, а все были похожи на неудавшиеся олады. После пожара в 1751 г. Оренбургский губернатор Неплюев предлагал и настаивал, чтоб город выстроили благоразумнее, но и после этого уральцы, из любви к старому пепелищу, выстроились ужасно несообразительно, что видно из плана 1772 г. После же пожара в 1807 г., Оренбургский губернатор князь Волконский дал новый план расположения города и строго приказал выполнить постройку Уральска по данному плану. Но современная правильность улиц усовершенствовалась уже после пожара в 1821 году. Все же это сделалось по инициативе начальства, а не по требованию вкуса уральского общества.

На плане 1772 г. мы видим существующими только 3 церкви: Михайло-Архангельский собор, Петропавловскую и Казанскую, хотя Рычков в 1748 г. насчитывал их 5; но это разноречие летописи с планом мы разьясим ниже, а теперь начнем с Михайло-Архангельского собора. Этот собор, уцелевший от нескольких истребительных пожаров, древнейшее здание из всех существующих в г. Уральске.

В 1773 г. была выстроена около собора крепость, вмещавшая в себе собор и колокольню его, называвшаяся кремлем, в которой комендант, полковник Симонов, защи-

щался противу скопищ самозванца Пугачева. В гарнизоне было около 400 солдат с несколькими казаками, оставшимися верными правительству. Осада крепости велась под предводительством казаков Каргина и Толкачева; сам Пугачев приезжал из-под Оренбурга управлять осадными работами и вел мины под крепость с западной и северной сторон, но контрмины, делаемые в крепости, уничтожали попытки самозванца. Наконец Пугачеву удалось подвести мину под колокольню. Об этом подкопе осажденные были заранее уведомлены одним казачьим малолетком и успели вынести порох и боевые снаряды, хранившиеся под колокольнею, но взрыва ее предупредить не могли. Впрочем, взрыв этот был слаб: колокольня оселась тихо, так что часовые, бывшие на верхнем ярусе ее, остались невредимыми, а один из них, спавший, даже не проснулся. Однако образовалась брешь, в которую Пугачев устремился со значительными силами, но был отражен артиллерийским огнем. Осажденные делали частые и удачные вылазки и наносили значительный урон неприятелю; но, наконец, обессилели от непомерных трудов и от недостатка жизненных припасов, которые раздавались под конец в самом малом количестве. Голод со всеми ужасами не замедлил явиться; осажденные стали есть нечистых животных, а после того стали питаться глиною, из которой варили род киселя. Болезни усилились, но защитники правого дела и тогда не пали духом и сражались до последних сил. Непоколебимость полковника Симонова и энергическая распорядительность капитана Крылова (отца известного баснописца) поддерживали бодрое настроение и решимость истощенного гарнизона. Храбрецы эти держались в осаде с 31 декабря 1773 по 17 апреля 1774 года, когда побежденный Пугачев отступил от Оренбурга, а полковник Мансуров очистил Яицкий городок от мятежников и спас гарнизон Симонова в тот самый день, когда осажденные, потеряв надежду па помощь, решились сделать последнюю отчаянную вылазку, — не на живот, а на смерть.

В стене собора, с западной стороны, несколько времени оставались не заделанными две пробоины от ядер Пугачевской осады.

После была построена около собора небольшая каменная в основании колокольня с деревянным верхом, а в 1860 г. приделана большая каменная, соединенная с собором. При постройке фундамента для этой колокольни были открыты следы подкопа Пугачева, шедшие от «Чечоры», как тогда называлась местность, лежащая на запад от собора к р. Чаган.

В этом соборе стоит простой памятник над могилой священника о. Дмитрия, который отказался венчать Пугачева с казачьей девицей Устиньей Кузнецовой и поминать его на эктинях. Он, в ожидании казни, находился в заключении, но нашлись добрые люди, которые выпустили тайком священника и дали ему возможность скрыться от гнева самозванца. Отец Дмитрий, по смерти, как человек примерной жизни и ознаменовавший себя самоотвержением и верностью престолу, был похоронен в соборе.

В 1772 г., около собора, на южной стороне соборной площади, группировались следующие каменные здания: войсковой выход и погреб, назначенные, вероятно, первый — для склада и хранения войскового имущества и для арсенала, а последний — для склада пороха. В этом опасном соседстве, на тесном пространстве, стояла «вновь выстроенная каменная войсковая канцелярия» (как значится в объяснении плана 1772 г.) и две церкви, судя по краске на плане, каменные.

Одна из этих двух церквей должна быть во имя Спаса Преображения, а другая неизвестно какая; обе они входили в счет церквей Рычкова в 1748 г., о чем мы говорили и сожалели, что почтенный академик не поименовал из насчитанных им 5 церквей четырех. Вышеозначенные две церкви сгорели в 1751 г., спустя три года после посещения Рычковым Яицкого городка; других же церквей в бытность его не было, хотя, например, нынешней Успенской тогда не существовало; была одна часовня на задах нынешнего дома Аржанова, стоящего на Большой улице, на юг от Казанской церкви.

Об этой часовне Рычков не упоминает, но она значится на старинном плане. Впрочем, она могла построиться после бытности Рычкова в Уральске, в пятидесятых или шестидесятых годах и попасть на план 1772 года.

В соседстве собора был каменный дом старшины Семена Тамбовцева, брата убитого атамана Петра Тамбовцева, в котором почему-то стоял караульный пикет летом 1772 г.

Часовенка, стоящая до сего времени на маленькой площадке, на север от Михайло-Архангельского собора, немного в стороне от Большой улицы, на месте очень давно сгоревшей церкви, вероятно, была такой же часовней и в бытность Рычкова в Яицком городке и не вошла в счет церквей, им упомянутых: иначе он насчитал бы 6 церквей.

По мере распространения города мы видим, как церкви строились постепенно и шли за городом на север, так как распространение границы города всегда предупреждало задолго построение церквей; но все же, крайняя из них рано ли, поздно ли находилась недалеко от внутренней стороны вала, ограничивавшего город с северной стороны. Теперь церкви служат памятниками исчезнувших городских валов. Кладбища также всегда передвигались вместе с валами и располагались впереди их недалеко за городом.

С 1772 г., в течение столетия, городской вал относился на север два раза; в 1784 г. на нынешнюю Крестовую улицу и в 1807 г. возведен существующий уже бесполезно до сего времени. С 1872 года жительство перешло уже за этот последний вал; город расселяется во все стороны не по годам, а по месяцам.

Теперь обратимся к Петропавловской церкви. Архитектура ее подходит к новому стилю; ей придан вид этот после пожара в 1821 г. О первоначальном существовании этого храма известно с 1736 г., когда архиепископ казанский Гавриил дал благословение на просьбу казаков и атамана их Григория Меркульева перестроить Петропавловскую церковь. В просьбе казаков к архиепископу было упомянуто, между прочим, что церкви Петропавловская и во имя Алек-

сея-митрополита потерпели «от пожарного разорения». Ясно, что они еще до 1736 г. были повреждены пожаром, что и до этого года были большие пожары; а вернее всего, что это сведение дает понятие о древности церквей и о быстром распространении Яицкого городка. В 1751 и 1821 г. Петропавловская церковь тоже горела.

Петропавловская церковь

На площади, простирающейся от Петропавловской церкви к востоку, построена в 1866 г. каменная пожарная часть. Площадь эта имеет печальную историческую известность. На ней разыгралась в 1772 г. драма казней виновных в возмущении, которое имело результатом убийство генерал-майора фон Траубенберга, войскового атамана Петра Тамбовцева, войскового старшины, дьяка Матвея Суетина и проч. При рытье канавы через эту площадь, для стока воды, было открыто, по одному направлению канавы, множество скелетов. Тут были, без сомнения, и жертвы казней за возмущение 13 января 1772 г., так как казни эти происходили на Петропавловской площади, и казненные, вероятно, тут же были похоронены.

В 1769 г. Паллас упоминал о двух каменных церквях на «главной» улице и о третьей

деревянной, но не записал их названий; также упомянул о двух «малоукрашенных» часовнях деревянных же, не сказав, в какой части города они стояли. Этот пробел так же, как и у Рычкова, приводит к сбивчивости в исследовании времени постройки и количества старинных церквей в Яицком городке.

Нынешняя Успенская церковь была каменной старообрядческой часовней; постройку ее должно отнести к концу прошлого века; именно к времени атаманства Даниила Дмитриевича Донского, покровителя старообрядчества. По рассказу И.П. Петрова, казаки просили построить церковь и, получивши разрешение, построили часовню во имя Успения Богородицы — здание с шатровой кровлею и одною главою, осененною восьмиконечным крестом, вопреки наказа казанского епископа Луки — «отнюдь не строить церквей шатровых, а об единой, или о трех, или о пяти главах».

Паллас упоминает, что он видел на Белых горках, при озере, «скотный двор». Что бы могло быть похоже на это? Скорее, тут не было ни одного двора, а стояла беспорядочная группа неогороженных базов вымазанных глиной и приспособленных для летнего житья, словом, это были горошные базки.

В тридцатых годах нынешнего века базков на Белых горках было никак не менее сотни; кроме них были куренские базки, между Анисьеными озерами и Ревуном, да были еще семенычевы базки на Семенычевом рынке.

Женщины, хозяйки базков, раннею весной, когда их мужья были у севрюг, выкочевывали со своими коровами в базки, отделенные на несколько верст от их постоянного жительства, но сколь возможно близкие к г. Уральску. На этих дачах трудолюбивые целое лето хозяйки занимались молочным скотом, — труд, впрочем, не тяжелый, оставляющий много досуга. Полевые мазанки их были уютные и главнейше приспособленные к производству продуктов из молока. Мастерицы приготавливали, кроме обыкновенно-

го пресного «снятого» молока, сливки, каймак, сливочное масло (только по заказу), кислое молоко или простоквашу и превосходнейшие варенцы (тоже по заказу), творог, курт и, наконец, масло.

Окрестности Уральска с северной стороны были в прошлом столетии культивированы и зеленелись от многочисленных бахчей, на которых засеивались все необходимые овощи; но всего более процветали крупные арбузы и такие же породистые дыни. Последнего рода культурой, в особенности, уральцы обязаны персиянам, вышедшим из хивинского плена. В продолжение XIII века много выходило этих пленников на Оренбургскую и Уральскую линии. Персияне препровождались через Астрахань в свое отечество, а которым из них лежал путь через Уральск на Гурьев, те большей частью оставались в земле уральских казаков. После хивинской неволи казачья община казалась им надежной пристанью; они оставались в ней, причислялись в казаки и принимали веру нового своего отечества. Они оставили за собою старонациональное прозвание кызылбашей (буквально красноголовый), несмотря на то, что казаки слово кызылбаш сделали укоризненным и называли им, как бы подозревая в нечистокровности казачьей того, кто не отличался чисто казачьими замашками. Искусством, изученным в неволе (садоводством и огородничеством), персияне занялись свободно на казачьих землях и передали его вместе с чигирями – поливальными машинами – казакам.

Невдалеке от Уральска, по пути к садам, не изгладились еще и донные водопроводные валы древних кызылбашских бакчей. Еще в 30-х годах нынешнего столетия по 1 и 2 отрогам засеивали бахчи с большим, против других, успехом Строгановы, Кабанкины и еще, не помню кто, потомки кызылбаш. В то же время помнится мне полнота рынка огородными произрастаниями: кроме арбузов, дынь и огурцов, было множество редьки, моркови, брюквы, свеклы, репы, капусты, гороху, только не было картофеля,

который тогда еще не ввелся, потому что все, кроме иногородцев, считали за грех есть его, что у многих казаков держится в голове еще поныне. Теперь огородной зелени мало, арбузы и дыни выродились; только остатки древней бахчевой — роскоши видны в знаменитых тополинских и зеленовских тридцатифунтовых дынях.

О салате, петрушке, сельдерее, спарже чуть слышно; картофель пошел в ход.

Разведением капусты и лука занимаются у нас издревле исключительно женщины. Лучные огороды были сгруппированы в местности около нынешней Успенской церкви, на старице, которая еще не получила тогда названия Солдатской. Кроме того, что это видно на плане Яицкого городка 1772 г., рассказ бывшей огородницы о старых огородах, старушки Каймашниковой, подтверждает это (в 1803 г.). Князь Волконский посетил ее огород и поручил ей вымыть платок, в котором было кое-что завязано, такое, мы прибавим, отчего гоголевский старик бахчевник «плюнул и руки вытер». Старушка при мытье платка, между прочим, заметила, что во всех углах его было завязано что-то, похожее на мелкую монету. Она, не любопытствуя (вероятно по старости лет), что завязано в уголках платка, возвратила его вымытым и выжатым князю, не подозревая в это время его звания и считая его за какого-нибудь иногороднего купца. Князь, поблагодарив старуху, подарил ей этот платок, примолвив: «возьми и то, что в нем завязано», и пошел своим путем. Оказалось, что завязаны в платке были 4 червонца.

Когда в 20-х годах нынешнего столетия построили казармы для батальона солдат, оставленных на экзекуции с 1808 года, лучшие огороды перешли далее по Солдатской же старице, где по сие время обрабатывают их женщины, поддерживая свое бедное существование продажей летом — лука.

Огороды эти окружили и окопали кругом кирпичные заводы, один клейный и мыловаренный. Из двух-трех кирпичных сараев, бывших в этой местности лет 30

тому назад, выросло целое селение их, где построили несколько домов и взрыли землю до безобразия, т.е. уж очень неправильно роют ямы. Но не выделают им такого кирпича, из каких у нас сложены не только церкви, но и древние каменные дома. Уральск быстро расселяется па север, подвигается и по направлению к кирпичным заводам.

Суровую печать положил на Уральск большой пожар, бывший 11 июня 1807 года, в который сгорел чуть не весь город. Жертвой огня сделались 2 каменных церкви, дом Уральской городской полиции со всеми письменными делами, винный подвал, принадлежащий откупщику, провиантский магазин войск, находившихся в Уральске, с провиантом и книгами; из 3584 домов сгорело 2120, людей 8 человек.

До сего времени, в память этого пожара, 11 июня, в день апостолов Варфоломея и Варнавы, каждый год бывает крестный ход вокруг той черты, по которую простирался Уральск в то время. И Уральск оживляет эту процессию, в которой участвуют большею частью женщины.

После пожара князь Г.С. Волконский настоятельно требовал, чтобы погорельцы строились по новому плану; назначил меру дворов и прислал топографов для распланирования улиц. Постройка по новому плану потребовала большого пространства под заселение, поэтому городской вал был отнесен далее на север, а старый, бывший по нынешней Крестовой улице, указано заровнять. Бывший Уральский войсковой атаман Д.М. Бородин оказался египетским фараоном: он, как жителей Уральска, так и приехавших на весеннюю ярмарку низовых казаков, поставил на уроки работать над заровнением старого вала. Низовые казаки, жертвуя своим трудом в пользу резиденции, не так однако роптали, как роптали они на работу по проведению «Симовой дороги».*

После «первого большого пожара» Уральск обстроился, забылось горе разоре-

ния и трудные натяжки при сколачивании деньжонок на постройку новых жилищ. Бедные люди слепили себе земляные мазанки, плетневки, избы из «черного» леса на удивление задающихся вопросом: как и чем живет тягущая бедность? Богатые построились лучше прежнего, как это обыкновенно у них бывает после пожаров. Скалозуб сказал не пустую фразу, что пожар много способствовал украшению Москвы. Заровнялся старый городской вал, выкопался новый потовыми общественными трудами и воздвигнулись на двух выездах негрозные, однако с крепкими затворами и шлагбаумами башни, не столько для защиты города от неприятеля или вообще от недобрых людей, сколько для остановки и расспросов всех проезжающих.

Прошли над Уральском спокойно 14 лет, а в 1821 г. 21 июля произошел «второй большой пожар», опустошивший Уральск. Он начался во 2 часу пополудни с начала татарского жительствова, в Куренях, при сильном порывистом ветре, клонившемся прямо к городскому валу, до которого и выгорело все, за исключением самого небольшого числа домов, спасшихся случайно. В ширину пожар распространился на улицу, пролежавшую против дома войсковой канцелярии (нынешней больницы). Казенные здания, соседние с канцеляриею: войсковое казначейство, арсенал, пороховой погреб и острог спасены; Новоселки и Форштадт уцелели. Сгорело же в этот пожар: церковей 2, Казанская и Петропавловская, домов обывательских каменных 109, деревянных 1269, а всего 1378; войсковых домов каменных 2, училищный деревянный дом, каменная мечеть, 2 винных подвала. Вина в этих подвалах сгорело 15626 ведер.

Подозреваемы были в поджогах некоторые бродяги из иногородних, но уличить их не было возможности. Были преследованы две личности — женщина и мужчина, переодетый женщиной, но последний ловко скрылся, и его не нашли нигде. Подозревались и некоторые солдаты экзекуционного батальона, потому что

* От Бударинского форпоста до Гурьева городка

при обыске у них находили огниво при трубке и табаке. Это, однако, не доказывало, чтоб они были поджигатели.

После того, в 1825 году, атаман П.М. Назаров испросил разрешения построить казармы вне города для помещения солдат, в видах облегчения воинской квартирной повинности жителей как со стороны экономической, так и нравственной. Казармы эти, переживши упразднение батальона, стоят и теперь целыми после ежегодной ремонтной в продолжение слишком 40 лет.

После пожара в 1821 г. войсковой атаман Д.М. Бородин вместо сгоревшего деревянного своего дома построил большой

ка дома вышла непропорциональна с основанием и вообще весь ансамбль его потерял гармонию.

Другие богатые люди, пренебрегшие новизной из-за привязанности к старине, положились на вкус подрядчиков, и потому в домах их осталась смесь вкусов татарского с нижегородским.

После смерти последнего уральского войскового атамана, генерал-майора Бородина, умершего в первую холеру 15 августа 1830 г., назначен управлять войском полковник Покатилов с титулом, сначала исполняющего должность атамана Уральского казачьего войска, а потом наказного атамана. На его долю выпала

Дом наказного атамана

каменная. Он пригласил в Уральск на место войскового архитектора, которого дотоле не было, итальянца Дельмедино. Этот архитектор построил Бородину дом, похожий на итальянский palazzo, который до сих пор, не изменяясь наружно, считается по справедливости красивейшим домом в Уральске. По проектам Дельмедино построены дома старшины Федора Мизинова (перешедший к фамилии Меркульева), также дом Щапова, теперь Юрьева. Этот последний дом окончен не по первому плану. Когда окончен был первый этаж, состоящий из лавок, хозяин г. Щапов вдруг пожалел денег, ассигнованных по смете, и переменил намерение достроить роскошный фасад, как было предназначено, и потому надстрой-

забота выполнения предположенных незадолго построек. В 1831 г. принялись за возобновление Казанской церкви, от которой оставался только маленький придел Алексея-митрополита, кое-как поправленный после пожара, да еще не разрушенная пожаром высокая колокольня в виде башни. На последнем ярусе колокольни были часы, железный механизм которых валялся после пожара среди непокрытого обгоревшего корпуса церкви, поросшего лебедью и чилигой. Колокольню-башню нужно было уничтожить, так как она не входила в рисунок плана для новой Казанской церкви. В 1836 году стены Казанской церкви были украшены живописью в роде фресковой учениками академика Ступина, под личным надзором самого художника. Замечательно, что этой живописью не побрезгуют прихожане единоверцы, может быть потому, что в иконостасе все образа писаны в роде древнегреческого стиля, единственно ими принимаемого и уважаемого.

Александро-Невский собор

В 1837 г. заложен был собор Александро-Невский. С того времени собор этот назначен быть православным. В нем замечательный образ, изображающий Христа Спасителя, молящегося в Гефсиманском саду, со спящими около него апостолами.

В 1833 году заведена в Уральске первая вольная аптека Францем Миллером.

В 1834 году построен войсковой конный завод, не оправдавший надежд, сначала на него возлагавшихся. По дороге к уральскому мосту, отделяясь от Куреней, стоит татарская слободка. Она построилась в 1821 г. после пожара; она может служить доказательством веротерпимости русских казаков, с древних времен, с тех пор, когда в силу дарованной государем Михаилом Федоровичем яицким казакам грамоты, они начали «набираться вольными людьми».

Тотчас за татарскою слободкой стоит Ханская роща, не так уже тенистая, как в прежние годы. Название свое она получила с 1825 г., когда в ее тени был возведен в ханское достоинство правитель Внутренней Букеевской орды Джангер. Церемониал и веселье по этому случаю памятны еще многим старикам. Недолго после этого безмолвствовала Ханская роща. В начале тридцатых годов тароватый на устройство публичных увеселений атаман В.О. Покатилов устроил в этой роще гулянье для людей всякого сословия. Медный и бальный оркестры гремели там; благородные люди танцева-

ли, а простые любовались ими или сидели где-нибудь особняком в тени перед светлыми самоварами. И всем было тогда весело. Покатилов, желая сделать Ханскую рощу любимым местом гулянья уральской публики, думал устроить для этого в роще удобную и приятную обстановку. Но так как местность эта почти каждый год зали-

вается талою водою, то он оставил это намерение для лучшего плана, именно разведения «казенного сада», чтоб в этом новом предприятии соединить приятное с полезным. Но выполнить этот план пришлось уже атаману М.Л. Кожевникову, и работы по разведению сада, названного войсковым казенным, начались в 1839 г.

В такие весны, когда талая вода затопляет все рощи, тень Казенного сада служит единственным приютом для гуляющей публики, в большей мере уральского полусвета. Нужно заметить, что охотников попить чая в поле более всего из иногороднего торгового сословия. А слободские татары специально избрали Ханскую рощу для своего летнего кэйфа; там они, как у себя в доме.

Говоря об окрестностях Уральска, нельзя не уделить несколько слов для Садовского полуострова, одного из лучших оазисов нашей вообще степной территории. Живописное местоположение полуострова, лежащего в 7 верстах от Уральска, расположило некоторых людей завести на нем фруктовые сады. Сначала они по всему вероятно разведены были на более возвышенном месте, нестопляемом полою водою, налево, при переезде через чаганский мост, и принадлежали нашим аристократическим фамилиям: Бородиным, Мизиновым, Назаровым, Донсковым. Уцелевшие старые тополи и ветлы, которыми обыкновенно обсаживают сады, особенно с северной стороны, доказы-

вают, что садовою культурой начали заниматься у нас не далее второй половины прошлого века и, сравнительно, очень немногие. Оттого полуостров назван на официальном языке: «Садовским полуостровом», а сокращеннее говорят просто: «Сады».

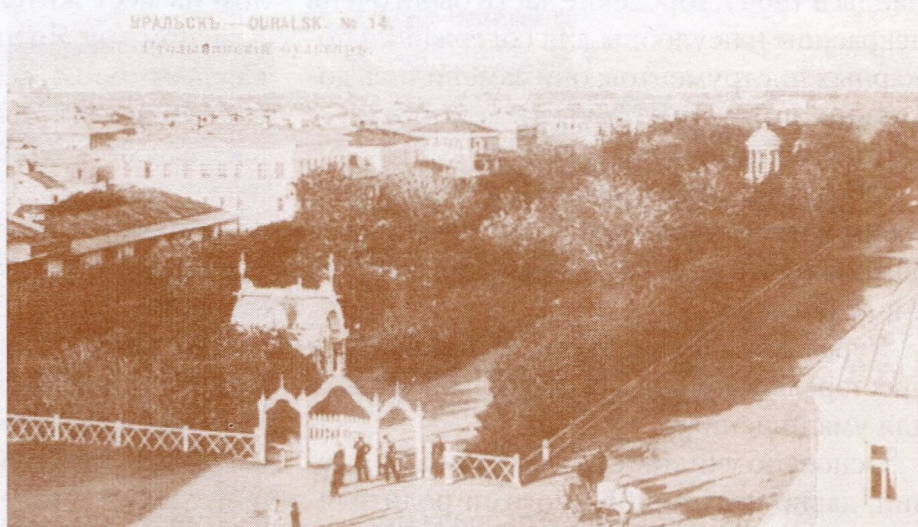
Одна старушка, не монахиня, сказывала мне, что начало основания женского монастыря на Садовском полуострове положили уральские барыни в то время, когда «француз пошел войной на Россию» и когда их мужья ушли в армию; тогда они удалились в «Сады» молиться богу за мужей и за избавление «от Бонапарта». Вероятно, в то время было уже в Садах несколько старушек и, может быть, постриженных, живших смиренно в своих кельях; влиятельные уральские матроны, посвятив себя уединению, помогли формированию монастырской женской обители.

Первою настоятельницею в первой женской обители Садовского монастыря была мать Феофания.

Во время атаманства Покатилова построены два больших здания для уральской войсковой канцелярии и для училища, возобновленного после пожара в 1821 г., ровно через 10 лет (с 1831 г.). На месте этих построек стояли почти такие же большие дома, обгорелые в 1821 г. Дом Шапова – на месте нынешнего хозяйственного управления и благородного собрания, а на месте нынешнего девичьего училища был такой же величины дом Мизинова. В новое здание, оконченное в 1836 году, переведено было в нижний этаж училище, а в верхний – благородное собрание, которое до этого времени существовало в виде ассамблей в доме атамана Покатилова, вызвавшего уральский прекрасный пол на танцевальный паркет.

В этом же году были поставлены на Большой Михайловской улице красивые фонари, и она стала освещаться от сожигания фонарского масла. Теперь район освещения города керосином несколько распространен, но нельзя сказать, чтоб он был сильно освещен. Впрочем, можно утешиться тем, что за 200 лет Лондон освещался так же, как и наш Уральск.

Постройки общественных зданий в 30-х годах выполнялись под наблюдением войскового архитектора А.А. Гопиуса, выбывшего из Уральска в 1836 году. С этого года до 1857 г. Уральск не видоизменился ни от одного замечательного здания. Строительная

Столыпинский бульвар

деятельность началась с приезда к нам атамана А.Д. Столыпина. По его инициативе у нас устроился бульвар, и этим устройством достигалась сразу двойная польза: первое то, что осушилась большая площадь, на которой прежде стояли болото и грязь значительную часть года, отделяя вонючие миазмы, во-вторых, теперь в центре города веселая растительность, чистый воздух, где можно сделать приятный моцион в свободные часы.

В 1859 году построен на краю города деревянный театр, где по временам даются спектакли любителей или приезжими артистами, а также и концерты войсковым оркестром. Сценическое искусство и музыка приучили уральскую публику к эстетическому удовольствию.

Михайловская пожарная часть

С учреждения в Уральске пожарной команды в 1804 г. городские части были очень некрасивы и неудобны для содержания пожарных инструментов; они заменились довольно поместительными зданиями с каланчами красивого рисунка.

Обращено особенное внимание на содержание и помещение городской больницы на 60 кроватей, а в случае нужды и на большее число больных.

Учреждены: богадельня для немощных и престарелых, приют для подкидышей и дом для умалишенных.

Основано училище для благородных девиц, давно ожидаемое многими родителями, заботящимися о воспитании детей.

При атамане Столыпине в 1862 году основана Уральская типография. При атамане Н.А. Веревкине с 1867 года в ней начали издаваться «Уральские войсковые ведомости». В 1870 г. открыта войсковая классическая гимназия, в 1871 г. Уральская публичная библиотека.

В 1872 году в конце бульвара выстроено красивое «летнее помещение клуба», и открыто первое в нем заседание. Знатоки говорят, что это строение — копия с Павловского Петербургского вокзала. Строитель его архитектор И.А. Тец.

С 1861 г., когда было разрешено лицам иногороднего сословия строить свои дома на войсковой земле. Уральск стал быстро застраиваться, так что с 1872 г. население перешло через вал, уничтожение которого предоставлено времени, без обременения этой работой людей и войскового капитала. Теперь за валом застроилась уже порядочная слободка и растет быстро.

Сюда переселяются также изгнанные Уралом из мест жительства в Новоселках, на Красном яру. Яр этот быстро обрывается с каждым годом. В продолжение 70 лет его сорвало в этом месте, где был первый Макеев взвоз, около 250 сажен (по сравнению с планом города 1872 года).

Теперь в Уральске стоят на очереди потребности: в способе лучшего снабжения жителей водою, в мостовых, еще в нескольких бульварах для освежения городского воздуха, в общественных банях и в принятии вообще гигиенических мер для здоровья жителей его. Конечно, все это будет, но скоро ли? А интересно было бы знать, как о нас отзовутся через столетие наши потомки? Вероятно, они сочтут нас дикарями. От потомков только этого и жди.

Войсковая женская классическая гимназия

Битва на Калке

В 1223 году произошло событие, которое повлекло за собой 300-летнее пребывание России под татаро-монгольским игом.

В первой четверти XIII века монгольский хан Темучин, более известный под именем Чингисхана, объединил своих разрозненных соплеменников, создал могучую армию и направил ее на завоевание окрестных осёдлых народов, разрушая всё на своём пути.

Два его полководца, Джебе и Субут, прошли обычные ворота кочевников между Каспийским морем и Уральскими горами, пленили ясов, обзюгов и вошли в землю Половецкую.

Преградить им путь вышел половецкий хан Юрий Кончакович с сильным войском, но монголы разбили его и вынудили бежать к русским границам, к Днепру. Они просили русских князей о помощи, не жалея даров. Раздали много коней, верблюдов, буйволов, невольниц — лишь бы заключить союз о совместном противостоянии татаро-монголам. Половецкий хан Котян убеждал русичей: «Нашу землю нынче отняли татары, а завтра вашу возьмут. Защищайте нас!

Если нам не поможете, то погибните от завоевателей вместе с нами».

Князья съехались в Киев на совет. Здесь было трое старших: Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославович Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий. Приехали также «младшие» князья — Даниил Романович Волынский, Всеволод Мстиславич, сын князя Киевского и Михаил Всеволодович, племянник князя Черниговского. Мстислав Галицкий стал упрашивать братию помочь половцам: «Если мы, князья, не поможем половцам, то они передадутся татарам и у них будет еще больше силы».

После долгих совещаний князья решили идти на татаро-монгол в землю Половецкую: «Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей». Татаро-монголы, узнав, что русские собираются в поход, прислали

гонцов сказать им: «Слышали мы, что вы идёте против нас, послушав половцев. Но мы вашей Земли не занимали, ни городов ваших, ни сёл. Пришли мы попущением божиим на холопов своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами у нас нет войны: если половцы бегут к вам, то бейте их и добро их себе берите. Слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьём».

Лукавили завоеватели – они стремились подчинить всех, но хотели выиграть время, чтобы собраться с силами. Русские поняли уловку монгол, перебили их послов и выступили в поход. Когда княжеские дружины достигли Днепра, не доходя до Олешья, к ним пришли новые послы от татаро-монгол с такими речами: «Если вы послушались половцев, послов наших побили и идёте против нас, то ступайте, пусть бог нас рассудит. А мы вас ничем не трогаем». На этот раз князь отпустил послов живыми.

Когда все русские и половецкие полки были в сборе, Мстислав Удалой с тысячью воинов перешел Днепр, ударил по татарскому заслону и заставил его бежать. В плен попал их воевода Гелябек. Мстислав Удалой велел отдать его половцам для расправы. Известие об этом побудило татаро-монгол поспешить к месту схватки. Но это была лишь часть их воинства. А все русские полки были уже за Днепром и ждали противника.

Они встретили Чингисхановых всадников на половецком поле мечами и стрелами, разбили их, преследовали далеко в степи. Победителям достались стада скота, брошенное оружие и боевые кони.

Отсюда восемь дней войско шло до реки Калки, где состоялась новая стычка, после чего татары умчались прочь, а Мстислав Галицкий велел Даниилу Романовичу с полками перейти реку и расположиться станом. Охрану поручил Яруну с половцами. Мстислав Удалой выехал на разведку, увидел приближающую тьму татар и, вернувшись, приказал своей дружине вооружаться, тогда как другие два Мстислава сидели спокойно в стане, ничего не зная: Удалой не сказал им ни слова из зависти, потому что, — говорит летописец, — между ними была большая распря. Посему приближение татаро-монгол явилось для остального войска неожиданностью.

Битва началась 16 июня. Даниил Романович, выехав вперед, первым схватился с татарскими всадниками, многих порубил, но получил рану в грудь, которую в пылу сражения вначале даже не заметил по молодости своей: ему было тогда 18 лет, был он очень силен, храбр и «от головы до ног не было на нем порока». Татары окружили его, он рубился с ними, постепенно ослабевая. Видя, что Даниил в опасности, на выручку кинулся его дядя Мстислав Луцкий по прозвищу Немой. Его дружина ударила крепко, тата-

ры попятились. С другой стороны их теснил Олег, князь Курский. Казалось, победа близка. Но в этот момент, как всегда, дрогнули половцы, стоявшие в охране. Они побежали под натиском врагов и потоптали станы русских князей, которые по милости Мстислава Удалого не успели еще ополчиться.

Это и решило исход сражения. Русские потерпели поражение, какого, по словам летописца, не было от начала русской земли. Виноваты не только трусливые половцы – Мстислав Киевский с зятем своим Андреем и Александром, князем Дубовицким, видя беду, не сдвинулся с места. Стоял он на горе над рекою Калкою. Место было каменистое, огороженное кольем. На этом выгодном и защищенном месте князь рассчитывал отбиться от татар, поэтому и не повел свои полки в общую сечку. Но это не спасло его от разгрома.

Два отряда кочевников во главе с воеводами Чегирканом и Ташуканом три дня штурмовали Мстиславово укрепление. Потом послали к нему предводителя бродников воеводу Плоскиню, который переметнулся к врагу. Плоскиня целовал крест Мстиславу и находящимся при нем князьям, что если они сдадутся, то татары не убьют их, а отпустят за выкуп. Князья поверили, сдались и были задавлены – татары положили их под досчатый помост, на котором устроили пир в честь своей победы.

Так бесславно закончил свою жизнь Мстислав Киевский и его со товарищи.

Шестеро других русских князей погибли в честном бою. Среди них Мстислав Черниговский с сыном, а также знаменитый богатырь Александр Попович с семьюдесятью богатырскими братьями.

Мстиславу Галицкому с остальными князьями удалось перебраться через Днепр, после чего он велел жечь и рубить лодки, боясь татарской погони. Татары их не преследо-

вали. Большой поход татаро-монгол на Русь был впереди...

Поражение русичей на Калке показало, что князья, хоть и выступали вместе против общего врага, были разобщены, каждый из них преследовал свои интересы, как, например, Мстислав Удалой. На борьбу с татаро-монголами выступили не все князья земли русской, а только часть их. Кроме того, они избрали себе не надежных союзников – половцев, и те подвели их в решительный момент.

Кстати, и во время татаро-монгольского ига междоусобица между князьями продолжалась, что было выгодно монголам.

Сплотить русских князей удалось лишь Великому князю Московскому Дмитрию, возглавившему объединенное русское войско на Куликовом поле в 1380 году и одержавшему замечательную победу над поработителями. Куликовская битва положило начало конца татаро-монгольского ига на Руси.

Кто знает, как повернулась бы история, победы русские воины в сражении на Калке...

Дети войны

В мае мы будем отмечать 68-ю годовщину победы советского народа над фашистской Германией. Дата не круглая, но это несколько не умаляет значимости этого события. Мысленно мы возвращаемся в те суровые годы не только по юбилейным датам. Мы их помним всегда.

Война пролегла через судьбы каждого из нас. Я уж не говорю о воинах-ветеранах – они хлебнули горя полной мерой. Но даже те, кто родился в тридцатые-сороковые годы, ощущают её отголоски. Это и безотцовщина, и преждевременные седины бабушек и матерей, и невозможность самореализации и много чего еще. Не было бы войны, мы не имели бы тех проблем, которые имеем сейчас – и экономических, и демографических, и даже нравственных. Ничего не проходит бесследно. Тем более – война. И через 68 лет она аукнется там, где мы даже не предполагали.

О войне нельзя говорить одномерно. Это и храбрость, и трусость, это в одном случае – деградация личности, а в другом – становление характера, пробуждение самых светлых и святых чувств.

Николай Гурьевич Полуднев относится к тому поколению, которое видело войну детскими глазами, к поколению, у которого детства почти что и не было.

...Зима 41-го года. Белые дымные столбы над крышами села, редкие огоньки в промерзших от мороза избах. Восемилетний Колька Полуднев торопится в школу по хрусткому снегу. Школа маленькая, с узким коридорчиком и вечно дымившей печкой, от которой в классе щиплет глаза и пахнет березовыми дровами.

Но ребяташки собираются в школе спозаранку, задолго до начала занятий. Здесь раньше взрослых они узнают сводку Совинформбюро. Радио в селе нет и все новости колхоз получает от учитель-

ницы, у которой есть старенький радиоприемник.

В тот морозный день учительница почти бегом ворвалась в класс, зажгла все пять керосиновых ламп и дрожащим от радости и волнения голосом объявила:

- Первого урока сегодня не будет. Бегите домой и скажите.... Всем скажите, что вчера наши войска перешли в наступление под Москвой. Враг отброшен от столицы. Враг бежит!

Ученики повскакивали из-за парт, закричали, запрыгали, а учительница зарылась лицом в ладони, и ребята впервые увидели, как она плачет...

В ту пору пройди из конца в конец все село – и не встретишь ни одного крепкого мужика. Разве что увидишь древнего дедка в ситцевой рубашке с подпояской. Сидеть бы ему под окошком, на солнцепеке, греть зябнущие ноги, но война и дедков подняла с завалинка, поставила в ряды сеятелей и пахарей рядом с подростками и солдатскими вдовами...

Пятеро ребяташек росло в доме Полудневых. За обеденным столом чугунок подмороженной картошки семье хватало ровно на пять минут. Свою порцию хлеба дети съедали еще быстрее. Глядя в их голодные глаза, мать украдкой вздыхала и щедро разливала по кружкам мутноватый чай, заваренный на шиповнике или душице:

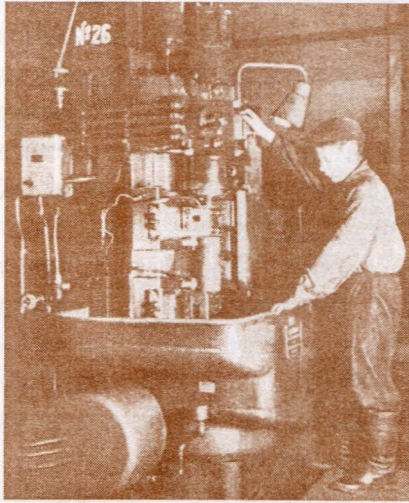
- Пейте, милые, пейте. Чаек полезный, целебный. И без сахара сладкий. Знатный чаек!

Так на жиденьком чайке, да на картошке и продержались всю войну. И всё же односельчане им даже завидовали: как-никак мужик в доме. Отца Кольки в армию не призывали, поставили колхозным бригадиром. Со вдовами да сиротами, без тракторов и почти что без лошадей пахал он землю, выращивал для фронта хлеб и скот. А это нис-

колько не легче, чем командовать стрелковой ротой...

Домой Полуднев-старший возвращался затемно. Намаявшись на полях, обычно заворачивал в заранее намеченный двор, то подправить скособочившийся забор у одинокой бабки, то застелить свежей соломой крышу на сиротской избе сестер Беспаловых, а то просто подсобить солдаткам, выкопать на огороде картошку или заготовить на зиму дрова. Часто он брал с собой сыновей. Проку от них мало – какой спрос с мальцов? Зато они были с ним при деле, а самое главное, учились доброте, отзывчивости на чужую беду, серьезности и аккуратности в любой работе. Эти отцовские уроки Николай

Гурьевич запомнил на всю жизнь. И когда жил в селе, и когда пришлось переехать в город, он всегда норовил так сделать свое дело, чтобы глаза радовались, а душа гордилась.

После окончания железнодорожного училища при паровозоремонтном заводе получил специальность газосварщика, работал в ремонтно-монтажных организациях Оренбуржья, удостоен двух орденов Трудовой Славы. Всё это было уже после победы, а в годы испытаний дети войны рано выросли и рано познавали что такое беда во всех ужасающих ее проявлениях. Быт войны, жизнь не воюющей части населения – это исторический пласт, который еще предстоит поднять.

О героизме солдат, пусть еще недостаточно, но всё-таки сказано ёмко и ярко, а вот о героизме солдаток мы знаем до обидного мало. Как, впрочем, и о пацанах и девчонках тех лет. А именно на них – женщинах и под-

ростках, почти еще детях, держался тыл, обеспечивающий армию всем необходимым.

Голодая, люди делились последним куском хлеба с эвакуированными из западных республик и областей. Их в области оказалось почти 250 тысяч человек и всех оренбургская земля приютила, согрела добротой и вниманием. Наша семья тоже эвакуировалась из Днепропетровска в Оренбуржье. Я в ту пору был еще мальцом, но собственными глазами видел какво доставалось, и тогда, и позже тем девчонкам и мальчишкам, которые были постарше меня.

С полным основанием они могут сказать:

Мы в 12 лет мужали,
Убирали хлеб с полей,
А в 13 заменяли
В бой ушедших токарей.

Мы взрастили первый колос
Покоренной целины.
Парень, путь открывший в космос,
Тоже был дитем войны!

Поднимать сторону из пепла
Где нам только не пришлось!
Поколение наше крепло
Под победный стук колёс.

...Мы своё отколесили...

Только помни, сын и внук:
Всё, почти, что есть в России –
Это дело наших рук!

Но за трудные свершенья
В те лихие времена,
Платит нам почти забвеньем
«Благодарная» страна...

Эти стихи я написал семь лет назад, когда в печати впервые заговорили о необходимости предоставления льгот детям войны.

С тех пор мало что изменилось, если не считать, что в этом году в Оренбурге будет воздвигнут памятник детям войны, изготовленный на средства, пожертвованные населением.

Спасибо администрации города, спасибо оренбуржцам!

Доброволец

желая и неудобная радиостанция «П-АК».

Мы дежурили и связь держим с фронтом. Потом приехал Жуков, мы его стали обслуживать.

С прибытием в войска Георгия Константиновича Жукова обстановка на монгольско-японском фронте

Я расскажу вам о человеке, который получил свою первую боевую награду задолго до начала Великой Отечественной войны. В ту пору это было большой редкостью. Монгольскую медаль за храбрость рядовому Петру Искуснову вручил сам маршал Цеденбал.

Военную шинель Петр Андреевич Искуснов надел по собственной инициативе. Случилось это в 1938 году, когда развернулись боевые действия на озере Хасан. Вожак колхозной молодежи, он первым записался добровольцем, чтобы дать отпор японским самураям. Вскоре воинский эшелон уже увозил его на Дальний Восток. Но на озеро Хасан он не попал.

Искуснов: Доехали мы до Читы, боевые действия закончились. Нас определили в батальон связи забайкальского военного округа. Определили в школу радистов. Я учился до 39-го года. В мае месяце нас собрали в батальон связи и везут в лагерь. Довезли до станции Борзя. Командир батальона выступает: «Солдаты, курсанты, офицеры, мы едем в Монголию, там напал на них японский самурай. Мы имеем договор о дружбе и сотрудничестве, мы должны монголов защитить». И мы поехали. 300 километров ехали. Вокруг голая степь Гоби. Одна фляга воды на 10 человек. Доехали. Я был в это время радистом. У нас была тя-

заметно улучшилась. Японские летчики перестали чувствовать себя хозяевами неба. Русские орлы вместе с монгольскими соколами нейтрализовали, а затем и уничтожили авиацию противника. Жаркие схватки происходили и на земле, однако войска агрессоров были окружены и разгромлены. На Холхин-Голе Петр Искуснов получил боевое крещение.

Служить в штабе командующего связистом было не просто. Жуков был строг, требователен до жестокости. Солдаты его побаивались, но верили ему. Петр ловил каждое слово командующего. Жуковская выучка пригодилась ему и позже – когда началась Великая Отечественная война.

Командующий группой войск на Холхин-Голе Г.К. Жуков и монгольский маршал Ю. Цеденбал

В сорок первом Искуснов должен был демобилизоваться из армии. Но неожиданно часть, где он

служил, срочно перебросили на Украину, под Бердичев. Здесь, недалеко от границы, его и застала война...

Первый год войны запомнился горечью неудач и неоправданно большими потерями. Под Оршей, при полной неразберихе, связисты на двух машинах с радиостанцией въехали в боевые порядки противника. Чудом спаслись, едва не угодив плен...

Под Вязьмой во время жесточайшей бомбежки Искуснова контузило, а два его товарища погибли.

В битве под Москвой батальон связи не раз попадал в серьезные переделки.

Запеленговав нашу радиостанцию, немцы стремились или уничтожить ее, или овладеть ею. С этой целью фашисты даже выбрасывали в наш тыл воздушные десанты. Для неприятельской разведки взять в качестве языка советского радиста считалось большой удачей. Радисты иногда знали даже больше, чем генералы. Охота на них велась на протяжении всей войны. В свою очередь, радисты проникали в самые сокровенные тайны противника. Так было и на Курской дуге.

Искуснов: Я дежурил на радиостанции на волне, связанной с авиабригадой. Вдруг передача кодированная. Что за станция? Я знаю, что не наша. Приходит начальник. Я говорю: «Вот, принял непонятную радиogramму». Он взял и пошел в штаб. Раскодировали. Оказывается, радиogramма была немецкого командования о том, чтобы нанести решительный удар по нашим войскам в районе Курска и Белгорода.

Нельзя сказать, что перехваченная Искусновым фашистская радиogramма сыграла решающую роль в том, что советское командование заблаговременно узнало о планах противника. Но эта шифровка подтвердила сведения из других источников о готовящемся ударе на Курской дуге.

Вот что писал об этом в своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Жуков:

«Всеми видами разведки Ставке и фронтам удалось установить время перехода противника в наступление. Была создана многополосная оборона на курском направлении общей глубиной 250-300 километров. В район Курска мы выдвинули мощный стратегический резерв Ставки – Степной фронт и осуществили крупнейшее за все время войны сосредоточение под Курском материальных средств и войск».

Командование знало, что немцы начнут наступление 5 июля в 5 часов 30 минут. Поэтому было решено нанести упреждающий артиллерийский и бомбовый удар по противнику.

Я опять цитирую Жукова:

«Контрподготовка началась в 2 часа 20 минут. Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот – началось величайшее сражение в районе Курской Дуги».

В этой адской симфонии звуков слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

50 дней продолжалась эта величайшая битва. Она закончилась победой наших войск, разбивших 50 отборных немецких дивизий. Фашисты потеряли на огненной дуге почти полмиллиона солдат. Наши войска перешли в наступление».

Про удачливого радиста командир бригады не забыл: Петра Искунова вызвали в штаб. «Спасибо за службу. Выбирай, что хочешь: орден или отпуск?». Он выбрал двухнедельный отпуск. Самой заветной мечтой солдата было, пусть не долгое, но возвращение домой. Сколько раз во фронтовых землянках, на привалах и в перерывах между боями, мечтал он повидаться с женой, подержать на руках сына, припасть губами к студеному роднику в березовой роще на окраине родного села... И вот свершилось! Он дома...

По такому случаю, его жена Вера Прокофьевна приготовила праздничный обед – наварила картошки, напекла лепешек из остатков муки, поставила на стол кринку молока. Колхозный бригадир принёс в подарок бутылку мутного самогона. Голодно было в ту пору в деревне.

Хлеб, весь до зернышка, отправляли на фронт. Трудодней колхоз не выдавал. Во время уборки голодные женщины и подростки украдкой бросали в рот и жевали свежее, только что намолоченные зерна.

Хлеб – фронту

Скучно, но все же кое-как перебивались те, у кого была живность на подворье. Но вырученные на базаре за молоко и яички деньги чаще всего уплывали в фонд обороны. На вдовьи и сиротские гроши страна строила новые танки и самолеты.

Вспоминает Вера Прокофьевна: Был объявлен Государственный заем в фонд обороны. За каждую облигацию – плати, а когда вернут эти деньги – неизвестно. Помню, нашему сельсовету дали разнарядку распространить облигаций на 200 тысяч рублей. По тем временам сумма огромная! Меня избрали агитатором-распространителем. А с кого брать? Со стариков и вдов? Заходишь в дом, а там ребяткишек семеро по лавкам. Мать плачет: «Нет денег, сами голодаем». Плачу вместе с ними и упрашиваю: «Ну, подпишись, купи облигацию хотя бы на 10 рублей».

И она подписывалась в счёт будущего заработка, не зная, как прокормит своих ребяткишек. Вот так население помогало армии победить врага.

Я была секретарем комсомольской организации. Молодая, заводная. Приходит ко мне бригадир: «Ну, что делать? Скотину кормить нечем. Корм есть в степи, некому ехать, остались старые до малые. Им с быками не управиться, а на колесном тракторе к ометам по сугробам не пробиться».

Думаю: Ладно! Поеду сама. Молодая учительница Погодаева тоже согласилась...

Запрягут нам быка и мы едем за этим кормом. В степи холод, однажды едва не замерзли. Привезём, разбросаем по скотному двору и второй раз едем. И вот так всю зиму возили корм и кормили скотину.

Единственный в колхозе трактор

А летом Вера Прокофьевна вместе со всеми работала в поле. Вязала и обмолачивала снопы, крутила ручку веялки, в сенокосную пору метала ометы. В сорок пятом начали возвращаться с фронта солдаты. Но в Людвиновке эта радость вошла всего в несколько домов. 23 солдата ушли на фронт из села. Вернулись трое...

Вера Прокофьевна: Утром встанешь коров доить и слышишь плач: кто-то уже голосит по погибшему. Похоронки почему-то приносили всегда ночью. Бывало, слушаешь, раздирающие душу причитания, и ждешь, что и тебе такую же недобрую весть могут принести. У нас в семье было шестеро фронтовиков: отец и пять моих братьев. Слава богу, все остались живы. Ранения не в счёт.

Первые послевоенные годы вернувшимся солдатам жилось даже хуже, чем на войне. В окопах худо-бедно, а кормили. На гражданке же не хватало даже хлеба. Всё, чем удавалось разжиться, взрослые отдавали детям. Голод заставлял сводить со двора последнюю живность.

Искуснов: У нас был бычок-полторник. Полтора года ему. Ну что мне делать? Баш-

кирия объявила: «Приводите скот в обмен на зерно». И я заналыгал его и повел в Башкирию. Это километров, наверное, сорок. А я босиком, без обуви. Ну, веду его. Привел в Кузьминовку. А чтобы попасть в башкирское село – переходить речонку нужно. Старичок там жил.

- Куда, мой миленький, с бычком?

Я говорю: «На хлеб променять, а хлебушек смолоть да кормить семью.

- Ну, ладно, я помогу тебе, – старичок говорит.

Перешел мостик, пошел, договорился с председателем. Мол, привел бычка фронтовик. Голодный. Примите бычка, пожалуйста.

- Пусть ведет.

Довел, привязал. Выходит председатель:

- Ты, что ли, фронтовик?

- Я.

- Ну, вот, я тоже фронтовик. Не сомневайся, не обижу.

И выписал мне 24 пуда зерна за этого бычка.

Намолотили мы муки на пышки и на лапшу, и стали есть. Вот тут немного отдышались. Никто не помер в семье.

Жизнь потихоньку налаживалась, голод и разруха отступали. Росли в семье дети. Сорокалетнего, степенного Петра Андреевича Искуснова в деревне уважали, ценили за трудолюбие и рассудительность.

И вдруг в нем проснулся прежний Петька-заводила, Петька-комсомолец. Случилось это, когда страна начала осваивать целинные и залежные земли. С горящими глазами пришел домой, с порога объявил Вере Прокофьевне: «Едем!».

Не мог он допустить, чтобы это большое дело свершилось без него. Добровольцем уходил на войну, добровольцем поехал на целину, где в ту пору была почти фронтовая бивуачная неустроенность.

Стараниями первоцелинников в дикой степи вырос крупный совхоз. В один ряд с боевыми наградами Петр Андреевич прикрепил трудовую медаль «За освоение целинных и залежных земель».

Испокон веков русский народ верил в покровительство и заступничество Пресвятой Богородицы, совершавшей чудеса для спасения Руси в самые критические моменты ее истории. На чем основывалась эта убежденность?

Обратимся к летописям, документам, свидетелям и очевидцам чудес Богородицы.

В 1395 году великий завоеватель Тамерлан во главе большого войска вступил в пределы России, намереваясь взять Москву и поработить северную страну. Он уже захватил рязанское княжество и приближался к берегам Дона. Ужас охватил россиян: они ожидали возвращения времён Батыя. Так же, как монгольский хан, Тамерлан был жесток и беспощаден. У великого князя Василия Дмитриевича не было сил противостоять грозному противнику.

Хотя малочисленное княжеское войско смело вышло ему навстречу, оно не могло

Небесная заступница

рассчитывать на успех. Казалось бы, участь земли русской решена...

И тогда великий князь решил обратиться за помощью к Матери Божьей, попросил митрополита Киприана прислать икону Богородицы. 15 августа драгоценная святыня была доставлена в русский лагерь, расположившийся на берегу Оки за Коломною. Летописец пишет: *«Народ в бесчисленном множестве, по обеим сторонам дороги, преклоняя колена, с воплем и слезами зывал: «Мать Божья! Спаси Землю Русскую!».*

И Пресвятая Владычица вняла их молитвам, сотворила чудо: в тот самый день и час, когда московские воины встретили икону Богоматери, Тамерлан оставил свое намерение идти на Москву. Он увидел во сне великую гору и с вершины ее идущих

многих святителей со златыми жезлами, и над ними в воздухе величественную и благолепную Жену, в окружении молниеобразных воинов, которые все устремились на Тамерлана. Завоеватель затрепетал, проснулся и, созвав вельмож, спрашивал их о смысле своего сновидения. «Величественная Жена, – отвечали мудрейшие из них, – есть Мать Иисуса Христа, заступница христиан». «Итак, мы не одолеем их», – сказал Тамерлан, и велел своим полкам идти из пределов России.

В 1480 году на Россию напали татаро-монголы, пытавшиеся восстановить свое владычество, пошатнувшееся после победы на Куликовом поле Дмитрия Донского над полчищами хана Мамай. Вновь многочисленное и могучее татарское войско ог-

нём и мечом расчистило себе путь вглубь русских земель. Великий князь Иван III решил дать ему отпор в открытой битве. Княжеские дружины встали против полчищ татарских; их разделяла только река Угра, которую называли «поясом Богоматери», охраняющим наши пределы. Две недели татары и русские смотрели друг на друга через эту реку. Иван III не решался её форсировать. Медлил вступить в битву и татарский хан. Наступили морозы. Угра покрылась льдом. Князь велел своим войскам отступить.

Летописец не скрывает, что княжеский приказ об отступлении внёс в ряды его воинов смятение и панику. Думая, что Иван III страшится битвы, они не отступали, а бежали от неприятеля, который свободно теперь мог ударить на них с тылу и добиться легкой победы. Но свершилось чудо: татары, видя левый берег Угры, оставленным русскими, вообразили, что их заманивают в засаду, где притаились свежие войска противника. Объятый ужасом, хан поспешил удалиться, завершив на этом свой поход.

Можно, конечно, попытаться оспорить эти факты, объяснив происходившее ошибками иноземных военачальников или элементарным совпадением. Но чем объяснить, что главные победы русского оружия приходятся на праздники Небесной Заступницы?

Уже упомянутое нами неожиданное отступление Тамерлана и Бородинская битва произошли в день празднования иконы Владимирской Божьей Матери; в день Рождества Богородицы состоялась Куликовская битва, а в Рождество Христово 1812 года последний неприятельский солдат покинул пределы нашего Отечества.

Опять совпадения?

В этом, кстати, усомнились в ходе Великой Отечественной войны многие наши современники, в том числе, самые убеждённые атеисты — члены Правительства. Когда фашисты всей мощью обрушились на Ленинград и его защитники с трудом сдер-

живали натиск врага, ставка назначила командующим Ленинградским фронтом генерала Г.К. Жукова. Ленинградский митрополит Алексей попросил у него разрешения провести крестный ход вокруг города с Казанской иконой Божьей Матери. Жуков разрешил (видимо посоветовавшись со Сталиным). 5 апреля 1942 года Крестный ход состоялся. И случилось чудо: танковые и моторизованные дивизии необходимые группе армий «Север» для взятия Ленинграда, были переброшены для решительного броска на Москву. Ленинград фашисты взять не сумели. Потерпели поражение они и под Москвой.

Долго держался в секрете вклад в нашу победу митрополита Илия (Антиохийский Патриархат). Уединившись в каменной келье, в далёких от Москвы ливанских горах, он истово молился за спасение России от гибели. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе сама Божья Мать и объявила, что он, истинный молитвенник и друг России, избран для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российского. Если всё, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

«Должны быть открыты по всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронта и тюрем. Ленинград окружен, обескровлен, но надо держаться, сдавать его нельзя. Пусть вынесут, — сказала Она, — чудотворную икону Казанской Божьей Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанской иконой следует совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, отдавать который врагу тоже нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Митрополит Илия должен передать всё, что ему сказано, в Москву».

Владыка связался с представителями Русской Церкви и советским правитель-

ством, передал всё, что сказала Богородица. В архивах до сих пор хранятся его письма и телеграммы, адресованные в Москву. Сталин, всеми способами борющийся с религией, на этот раз серьёзно отнёсся к небесным указаниям. В грозный для страны час он всё сделал так, как было объявлено Богородицей. После Ленинграда Казанская икона начала своё шествие по России. Икона Божьей Матери была обнесена самолётом вокруг Москвы. И произошло чудо. Волоколамское шоссе было свободно от наших войск. Ничто не мешало немцам войти в Москву. Но они будто ослепли. Столица выстояла, а затем наши армии погнали гитлеровцев на запад.

*Крестный ход с иконой Пресвятой Богородицы.
1942 год*

Затем Казанскую икону перевезли в Сталинград. Знаменитая Сталинградская битва началась с молебна воинов перед этой иконой. Немцы и здесь потерпели фиаско. И уж совсем удивительная история произошла под Кенигсбергом. Немцы считали эту крепость неприступной. Она действительно была укреплена, как никакой другой город третьего Рейха. Бои ожидалась тяжелые и затяжные. Но случилось то, чего никто не ожидал.

Очевидцы рассказывают, что перед штурмом на передовые позиции прибыл командующий фронтом, и с ним священ-

ники с иконой. После молебна священники и группа сопровождавших их офицеров двинулись в сторону противника. Тысячи солдат не поверили своим глазам: куда они идут?! Ведь каждая пядь земли простреливается фашистами! А они спокойно шагают в самое пекло огневого вала. И вдруг стрельба с немецкой стороны прекратилась, как бы оборвалась. Тогда был дан сигнал – и наши войска начали общий штурм Кенигсберга с суши и с моря. Произошло невероятное: немцы гибли и тысячами сдавались в плен. Их лица были искажены страхом. Пленные объясняли, что именно повергло их в ужас – перед самым штурмом «в небе появилась Мадонна (так они называют Богородицу), которая была видна всей немецкой армии, и у всех абсолютно отказало оружие». Фашисты поняли. Кто помогает русским и прекратили сопротивление. Мощная крепость была взята с хода при минимальных потерях. И здесь Пресвятая Богородица помогла нам одержать важную победу.

Уверен, что, читая эти строки, большинство из вас не поверят в заступничество Божьей Матери в той войне. Не представят себе, что такое возможно. А Сталин поверил. Потому что всё переданное Божьей Матерью через митрополита ливанского Илию, сбылось.

После войны Сталин пригласил митрополита в Москву, встретил его с величайшим почётом и вручил ему Сталинскую премию за помощь нашей стране во время Великой Отечественной войны. Сталин, видимо, понял то, чему сознательно противился раньше.

Не потому ли Парад Победы в Москве он назначил на 24 июня – День Святой Троицы?

В. Плотникова.
По материалам журнала
«Православный воин».
Москва, 2011 г.

А. Фадин

Бросок через Хинган

Война с Японией осенью 1945 года была непродолжительной, но упорной и кровопролитной. Квантунская армия противника представляла из себя грозную силу: в ее составе насчитывалось более миллиона хорошо обученных и до зубов вооруженных солдат, она имела ряд мощных укрепрайонов и была защищена природными труднопроходимыми препятствиями – пустыней Гоби и горным массивом Большой Хинган.

Разгром японцев в Маньчжурии осуществляли три советских фронта под общим командованием Маршала Советского Союза А.М. Василевского. Их согласованные и нестандартные действия позволили окружить, раздробить, а затем уничтожить войска противника. Полной неожиданностью для японского командования стал стремительный бросок в их тыл через пустыню Гоби и непреодолимый Хинганский хребет 6ой гвардейской танковой армии генерала А.Г. Кравченко. Об этом трудном походе рассказывает бывший командир танковой роты Александр Фадин.

Казалось, только недавно в составе сводного полка 2-го Украинского фронта я проходил по брусчатке Красной площади, а сегодня всё это отдалилось, сохранившись в сознании яркой вспышкой счастливых дней... Позади оставались площадь трех вокзалов, ставший нам близким дом на Стромынке, где мы размещались на время подготовки к Параду Победы. Отсюда потом многие из нашего сводного полка возвращались в части, дислоцированные после разгрома гитлеровской Германии на территории Чехословакии, Австрии и Венгрии. Нам же, танкистам 6-й гвардейской танковой армии, предстояло ехать на восток. Радость победы долго еще не покидала нас, и нужно было время, чтобы осмыслить предстоящее.

Наш эшелон шел через всю страну, и на бесчисленных остановках люди встречали нас, победителей. Мы, конечно, знали, что едем на Дальний Восток кончать вторую мировую войну. Советское правительство в соответствии с принятыми на себя ранее обязательствами 8 августа 1945 года объявило войну Японии.

С нами ехал оркестр, который тут же, на станциях, выбирал удобную площадку, и начинались гулянья и танцы. А сколько было курьезов с отставаниями от поезда! Расставания с новыми знакомыми затяги-

вались, и ребята догоняли эшелон в Красноярске или Иркутске.

После Читы эшелон повернул на юг. Мы знали: на территории Маньчжурии Япония сосредоточила мощную группировку сухопутных войск – Квантунскую армию...

И вот, наконец, мы прибыли в 20-ю гвардейскую танковую бригаду, расположившуюся у большого озера, неподалеку от местечка Тамсак-Булак. Я быстро отыскал свой 3-й батальон, его командира майора Попкова Ивана Михайловича. Он и познакомил меня со 2-й танковой ротой, командиром которой я был назначен. А 8 августа мы уже сосредоточились в исходном районе.

Задача, поставленная перед нами, была грандиозной. 6-я гвардейская танковая армия, в которую входила наша бригада в составе 5-го гвардейского сталинградско-киевского танкового корпуса, должна была внезапным и стремительным

Командующий 6-ой гвардейской танковой армией генерал А.Г. Кравченко

наступлением за двое суток пройти пустынно-степной район до горного хребта Большой Хинган, в кратчайший срок преодолеть его и выйти на Маньчжурскую равнину. Затем, развивая наступление в юго-восточном направлении, овладеть городами Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь) на Ляодунском полуострове и, тем самым, не допустить отхода главной группировки войск Квантунской армии из Центральной Маньчжурии на юг.

Особенность этой задачи заключалась в том, что впервые в военной практике танковое объединение действовало в первом эшелоне фронта. Нашей роте приказывалось быть в голове главных сил батальона. В 4⁰⁰ 9 августа 1945 года предписывалось пересечь государственную границу и, уничтожая мелкие группы войск прикрытия противника, стремительно продвигаться к горному хребту Большой Хинган.

...Примерно часа через два после начала наступления ночная прохлада стала спадать. Лучи солнца подсушили и без того жухлый степной покров. За каждым танком поднималось теперь густое облако пыли. Неожиданно мой танк остановил флажком заместитель командира бригады по технической части подполковник Тимошенко. Он сообщил, что впереди нас в двадцати-тридцати километрах действует передовой отряд корпуса. И тут же заметил, что мои машины идут слишком скученно, поднимают сильную пыль, и этим самым мы себя демаскируем и представляем хорошую цель для авиации противника. Не успел я сигнальными флажками вызвать к себе командиров взводов, лейтенанта Назарова и младших лейтенантов Новикова, Мещерякова, чтобы отдать им приказ – увеличить дистанцию между танками, как словно в подтверждение слов подполковника Тимошенко справа из-за облачка появились два японских самолета. Но тут же вслед за ними в небе показались четыре наших истребителя и вынудили их уйти, даже не дав вражеским машинам сделать заход для атаки...

Примерно к полудню 9 августа, далеко углубившись на территорию противника, мы почувствовали, что продвигаться вперед становится все труднее. Солнце накаляло броню. Температура воздуха достигала 40-45 градусов. Жара, сильная запыленность, бездорожье, отсутствие ориентиров, напряженное ожидание встречи с противником...

Первыми почувствовали себя плохо автоматчики, сидевшие на танках, а затем пошли доклады командиров танковых взводов... Наши врачи майор Рашидов, капитан Кубинцева, фельдшера Назаренко, Бабич, находившиеся в колонне главных сил, кто на автомашине, кто на танке спешили на помощь то в конец, то в голову колонны. Правда, стоило над нашими головами появиться самолету У-2, который, дав условный сигнал «я свой», направлением своего полета указывал дорогу, как настроение поднималось.

С наступлением темноты наше движение – в пыли, в жуткой духоте, по песчаным барханам было остановлено. Собрав командиров взводов, я распорядился выставить сторожевое охранение, осмотреть и привести в порядок материальную часть и доложить о состоянии личного состава. Вскоре ко мне подошел майор Попков, поблагодарил за успешные действия, отдал указания о заправке танков и сообщил, что кухня следует за батальоном и вот-вот будет ужин.

Когда командир батальона попрощался, я подошел к танку и окликнул своего механика-водителя старшину Карнукова. Он

вылез из люка весь черный от пыли. Однако глаза его весело смеялись.

- Ну как, тяжело? – спросил я его.

- Ничего! – ответил он. – Готов так идти до конца, лишь бы не было потерь.

- Сколько километров прошли? Механик посмотрел на спидометр:

- До ста пятидесяти...

Это был небывалый темп наступления, такого танкисты не помнили за всю войну...

Отдохнув несколько часов, еще до рассвета 10 августа мы начали готовиться к дальнейшему движению.

Утром во время завтрака к кухне подъехал на маленьком ослике высокий худощавый старик-кочевник. Ему положили полную тарелку макарон с мясом. Однако он к пище не стал притрагиваться, хотя тарелку взял и в знак благодарности поклонился. Оказалось, что невдалеке от расположения нашей кухни в небольшой ложбинке стоял его шалаш, сооруженный из какой-то травы и листьев. Я прошел к шалашу и, когда заглянул внутрь, невольно содрогнулся: на голой земле сидела исхудавшая седая женщина. Она смотрела на нас безучастным, ничего не выражавшим взглядом и ни словом не обмолвилась. Чем они питались, трудно было сказать, ибо в шалаше мои глаза не только пищи, но и какой-либо посуды не обнаружили. Потом один из работников политотдела бригады объяснил нам, что в этом районе проживают кочевники из Китая, называемые баргутами. Ну, а до чего довели эту народность японские милитаристы, оккупировав Северный Китай, мы сами убедились.

Закончив завтрак и уточнив маршрут движения, я снова поддал команду: «По машинам!». В течение 10 августа нам предстояло, обходя солончаковые участки, выйти к хребту Большой Хинган и на рассвете 11 августа начать подъем.

Ко всем сложностям первого дня добавилась накопившаяся усталость. А тут еще пошел долгий и мелкий дождь. Правда, поначалу мы обрадовались, думали, он принесет прохладу, погасит темно-бурую степ-

ную пыль, но вскоре поняли, что дождь доставит новые трудности. Ждать пришлось недолго. На наших глазах речки начали быстро разбухать, наполняться водой, а солончаковые участки вообще становились непроходимыми. Стали часто останавливаться.

Вот вижу впереди небольшую реку шириной около восьми метров. Командую механику-водителю, чтобы он на скорости преодолел ее. «Понял», – отвечает старшина Карнуков и на хорошем ходу входит в речку. И тут я чувствую, как сильная и подвижная моя машина резко замедляет ход и ползет еле-еле, задевая днищем песчаный грунт. Выбрались с большим трудом. Но танк лейтенанта Назарова, шедший за мной, застрял в речке. Встали еще два других танка, завязли в грязи солончаков. Порвав не один трос и изрядно поуродовавшись, вытянули застрявшие танки. Помню, в один из таких моментов подъехали к нам заместитель командира батальона по политической части майор Петрущенко Андрей Петрович и заместитель командира батальона по технической части капитан Свитто. И стали нам помогать. В какую-то напряженную минуту, чтобы разрядить обстановку, капитан повернулся к замполиту:

- Андрей Петрович, где же здесь хорошие дороги, о которых вы так много говорили нам?

Майор Петрущенко, недобро сверкая глазами, хотел что-то ответить Свитто, но, оглянувшись на нас и поняв шутку, махнул рукой и направился к колонне второй роты.

Мы снова продолжали движение, и только когда день перевалил к вечеру, увидели, наконец, предгорья Большого Хингана. Но, в это время, неожиданно из-за хребта вырвались три японских самолета и пошли на нас. Даю команду: «По самолетам противника – огонь!». Дружный огонь десантников и танкистов – из пулеметов, автоматов, карабинов – заставил противника повернуть влево. Позже мы узнали, что эти само-

леты спикировали на наш передовой отряд. Один из них протаранил наш танк, два других были сбиты. Оказалось, что в этих самолетах находились летчики-камикадзе. Смертники.

К вечеру 10 августа, оставив за собой еще сотню километров безмолвной территории, мы втянулись в предгорье Большого Хингана. И здесь нам предоставили возможность немного отдохнуть – невыносимая жара, духота, наступившие после дождя, сильно измотали нас. Выйдя из машины, я увидел странную картину: экипажи танков, высыпавших на землю, так пошатывало, что, казалось, люди ходили по палубе штормующего корабля. Лица были покрыты толстым слоем пыли и грязи... А впереди нас ждал горный хребет с перевалами Корохан и Цаган-Дабо.

С рассвета начали подъем на Большой Хинган. Снова заморосил дождь, нудный, долгий и въедливый. И это тогда, когда на нашем пути встали крутые повороты, подъемы, спуски... Перед перевалом Корохан разведка доложила, что противника вблизи нет, но это нас утешало мало. Впереди лежал перевал, и преодолеть его, казалось, нам труднее, чем встретить врага, схватиться с ним в бою. Даже самые бывалые механики-водители были озадачены предстоящим броском.

В этой ситуации я вызвал к себе заместителя по технической части старшего лейтенанта Виктора Тарасовича Чебурданидзе. Стали советоваться и пришли к выводу, что перевал надо пройти тремя танками одновременно: первый должен подняться на перевал сам, затем он поможет буксирным тросом второму, второй – третьему. Последние два должны будут остаться на перевале и тормозить спуск впереди идущего. Командир взвода младший лейтенант Мельников предложил начать штурм перевала, пустив вперед трех самых опытных механиков-водителей Карнукова, Лобаса и Ланцова... Пока мы обсуждали детали подъема, прибыло саперное подразделение. Заработали землеройные маши-

ны, расчищая путь для подъема и спуска танкам батальона и бригады.

Наконец перевал был преодолен. Мы вышли к узкому десятикилометровому заболоченному ущелью. И снова на помощь пришли саперы: они дробили горную породу и выстилали камнем и сплетенными из ветвей матами непроходимые участки.

У-2 по-прежнему появлялся, кружил над нами, сбрасывал вымпелы со схемами, указывающими курс в этом бесконечном и безмолвном бездорожье. Это вселяло в нас успокоение и уверенность в том, что все идет как надо, что командование постоянно следит за нашим продвижением.

Вторую половину горного участка до перевала Цаган-Дабо нам пришлось преодолевать ночью. Шли медленно, в час делали всего пять-шесть километров, то есть танки ползли со скоростью пехоты. Мы шли трудно, но шли. И нас не оставляло непривычное чувство напряженности: все время ждали встречи с противником. Он отступал, но мы его не видели. Враг чувствовал, как на него надвигалась стальная лавина тридцатьчетверок, и все отходил и отходил. Но мы ждали: вот за этой скалой наконец-то он нас встретит... Неизвестность на войне изматывает вдвойне. Лучше когда лицом к лицу, враг перед тобой и ты принимаешь бой согласно обстановке.

С утра 11 августа начался спуск с Большого Хингана. Только было мы вздохнули с облегчением, но... Дождь усложнил продвижение настолько, что оставшийся позади подъем на каменистые кручи показался нам не таким уж трудным. Форсированный режим работы двигателей удваивал расход горючего, все чаще и чаще выходили из строя машины. Трудно приходилось технической службе. Она оставалась с машиной, потерявшей ход, чтобы снова догнать своих, и снова остаться с вышедшим из строя танком... Однако мы понимали, что, выйдя за двое суток к Большому Хингану, затем

в течение суток, преодолев его, мы не дали частям Квантунской армии закрепиться на этом важном оборонительном рубеже; а наше дальнейшее и успешное наступление вглубь Маньчжурии лишает противника возможности отойти к своим базам в Северном Китае, к портам на побережье Тихого океана.

**Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке
Маршал СССР А.М. Василевский**

Продолжая движение уже по заболоченной низине, мы вдруг услышали впереди грохот боя. Нетрудно было догадаться, что это танки разведывательного отряда капитана Григория Школы завязали бой с японскими подразделениями, оборонявшими город Лубей.

Командир батальона по радио приказывает ускорить движение и готовиться к атаке. Но я сначала даю команду механику-водителю Карнукову замедлить ход, чтобы развернуть роту в линию взводных колонн.

И вот мы несемся навстречу с противником... Но каково же было наше разочарование, когда, подойдя к окраине города Лубей, мы увидели, что танкисты-разведчики справились с японцами без нас. Слышу в наушниках расстроенный голос командира второго взвода младшего лейтенанта Мещерякова: «Ну вот, опоздали...».

Поле боя было усеяно трупами вражеских солдат и офицеров. Рядом с убитыми валялись длинные бамбуковые шесты, на конце которых был оборудован фаустпатрон немецкого образца. Мы уже знали, что, в отличие от гитлеровцев, японский солдат должен был не просто выстрелом поражать танк, а, добежав до него, прикосновением уничтожить цель. При этом сам фаустник погибал.

Китайское население города Лубей встречало нас восторженно. Всюду мы видели радостные лица, глубокие низкие поклоны мужчин и женщин советскому воину-освободителю.

Овладев Лубеем, мы вышли на Маньчжурскую равнину и, тем самым, создали угрозу окружения главных сил Квантунской армии.

На окраине Лубея наши тридцатьчетверки добрали остатки топливных запасов. Дороги через горный хребет для автотранспорта практически были непроходимыми, и к тому же мы оторвались от основных баз снабжения на несколько сот километров...

К исходу дня по радио получаю запрос: «Как дела с молоком?». Понимаю, командир батальона спрашивает о топливе. У моего танка горючего осталось километров на тридцать, максимум на пятьдесят. У остальных экипажей тоже самое. Доложил комбату Попкову. Проходит минут тридцать, и получаю команду: «Стой!». Останавливаю роту, полагая, что нас подзаправят. Но вскоре получаем от комбата новый приказ – остатки горючего отдать первому батальону, которому предписано выдвинуться в передовой отряд. Нам же предлагалось оставить горючего в своих танках ровно столько, сколько понадобится бы для осуществления небольшого маневра в случае необхо-

димости. Я понимал правильность решения командования – продвинуться дальше хотя бы частью сил бригады. Однако было обидно, почему не мы, а другие. Но двигавшийся вслед за нами первый батальон находился в более благоприятном положении, был менее измотан. Обстановка вынужденно предоставляла нам отдых.

В голову колонны первого батальона встал танк с его командиром майором Семенов Антоновичем Селютиным. Я знал этого опытного офицера, мне лично довелось видеть его в бою на подступах к Вене. Запомнилось его бесстрашие...

Пропустив вперед первый батальон, мы в ожидании топлива занялись осмотром техники. В район нашего расположения подходили подразделения и других бригад корпуса. И вот, наутро 12 августа нас поразила необычайная картина: буквально в полутора километрах на выжженное солнцем поле стали садиться транспортные самолеты. И тут же началась выгрузка бочек горюче-смазочных материалов.

Это казалось нам чудом. Но доставка горючего по воздуху и заправка целого объединения, видимо, была весьма и весьма сложной задачей: самолеты были небольшие, а горючего требовалось немало. Вот потому-то мы задержались почти на двое суток, и лишь утром 15 августа смогли двинуться дальше.

Дожди продолжались. Действуя в труднейших условиях бездорожья, к исходу следующего дня мы вошли в город Тунляо. За ним лежали обширные земли, затопленные от долгих и проливных дождей. Нам оставалось двигаться по единственному в этом районе узкому железнодорожному полотну Тунляо-Чжанью. Вначале мы даже обрадовались этому, но вскоре поняли всю пагубность такого передвижения. Тридцатьчетверки так сильно трясло, что стали обрываться гусеничные ленты. И еще: соединение наше, вытянувшееся в одну колонну, шло тихо и было лишено даже самой малой маневренности, не говоря уже о возможности восстанавливать вышедшие из строя

машины. Мы вынуждены были сталкивать их в воду, чтобы не тормозить движение.

Именно здесь, на сковавшей наши действия дороге, стала появляться вражеская авиация. Она атаковала нас группами из четырех-шести самолетов одновременно. Но нашим танкистам и стрелкам, сидящим десантом на танках, помог опыт, приобретенный в борьбе с фашистскими стервятниками. Они встречали атаки камикадзе организованным огнем, и для японцев это, как правило, заканчивалось плачевно. И все же врагу удалось сжечь один танк передового отряда корпуса и несколько автомашин...

Закончив этот изнурительный переход по железнодорожному пути, 18 августа во второй половине дня мы двинулись к древней столице Маньчжурии – городу Мукдену (Шеньян).

Для быстрого захвата железнодорожных узлов, военных баз, аэродромов, политических и экономических центров страны, морских портов выбрасывались воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре (Люйшунь) и Дальнем (Далянь).

И у нас забрали мотострелков-десантников, которые в этот день очень успешно действовали. В Мукдене, например, один из них, наряду с генералами и офицерами, пленил императора Маньчжоу-Го И, пытавшегося улететь в Японию. Там же, в Мукдене, десантники освободили из лагеря военнопленных солдат, офицеров и генералов армии США.

Поняв бессмысленность сопротивления, японские солдаты и офицеры при встрече с нами стали сдаваться в плен целыми подразделениями. Так, например, при подходе к Мукдену мы натолкнулись на большую группировку японских войск, которая, не оказывая сопротивления, приняла наше предложение сложить оружие. Среди сдавшихся оказалось и несколько генералов.

В Мукдене часть наших сил была погружена на железнодорожный эшелон и отправлена в Порт-Артур для оказания помощи воздушным десантам. Странное чувство испытывали мы по пути следования в Порт-

Артур, видя, как на вокзалах нас встречают японские офицеры-самураи. В полной парадной форме, при палашах и саблях, они отдавали нам, советским воинам, честь, раскланивались с улыбкой.

Прибыв 23 августа в Порт-Артур, мы поняли: здесь хорошо поработали наши десантники. Один из жителей подошел к нам и, улыбаясь, предложил пройти в его дом, располагавшийся недалеко от вокзала. Войдя в скромную квартиру китайца, я был необычайно удивлен, увидев на стене небольшой портрет Сталина. Мы, конечно, поняли, что это знак сердечного отношения к нашему народу.

Китайское население встречает нас радушно

И снова в путь. Построившись в колонну, мы двинулись по шоссе вдоль Желтого моря к Дальнему. Все население этого большого приморского города встречало нас... Выйдя на юго-восточную окраину Дальнего, мы получили приказ развернуться в сторону моря. Однако, к нашему счастью, нам больше не пришлось стрелять. По всему чувствовалось, что не сегодня-завтра Япо-

ния – последнее государство оси Берлин – Рим – Токио – бесславно капитулирует.

Так и случилось. Квантунская армия перестала существовать. У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тысячи офицеров и солдат. Официально война длилась 24 дня, а боевые действия практически две недели. Военная кампания Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой.

Знаете ли вы, что ...

... 28 марта 1913 года над Оренбургом впервые взмыл в небо самолёт?

Об этом событии сообщила «Оренбургская газета» в заметке «Полёты В. Авдеева»:

«28 марта на местном ипподроме состоялись полёты на аппарате системы «Фарман» авиатора-оренбуржца В. Авдеева. Первый полёт состоялся около семи часов вечера, причём авиатор облетел на значительной высоте кругом ипподрома, продержался в воздухе около тридцати минут и, вследствие порчи мотора, опустился благополучно на площади против лесного базара. Масса публики, автомобилисты, велосипедисты бросились к месту спуска авиатора. Публики набралось столько, что пешая и конная полиция еле сдерживала напор и вынуждена была оцепить аппарат.

Около часа мотор исправлялся, и затем авиатор вновь поднялся, но принуждён был опуститься через полторы минуты недалеко от лесного базара. На этом полёты и окончились.

На полёты собралось очень много публики, особенно бесплатной. Кадеты второго кадетского корпуса были с музыкой».

Но лишь спустя 19 лет после этого события под Оренбургом был сооружен примитивный аэродром, а летом 1935 года начались регулярные полёты самолётов «У-2», на смену которым в 50-х годах пришли более современные «Ан-2» и «Як-12».

Каменно-Озёрная станция

Станция Каменно-Озёрная раскинулась в 32^х верстах восточнее Оренбурга, в живописной местности, изобилующей лугами, лесами и озёрами, самым замечательным из которых является Каменное, с прозрачной водой и твёрдым каменистым дном. По соседству с ним в 1747 году по указанию начальника Оренбургской экспедиции И.И. Неплюева был заложен редут-кардон, получивший название Каменный и входивший в состав оборонительной пограничной линии. Здесь постоянно находился казачий наряд из нескольких десятков человек, которые зорко следили за разбойными шайками кочевников, время от времени совершавших набеги на русские и башкирские поселения, уводя в неволю пленников, разоряя дома и угоняя скот.

Стычки сторожевых казаков со степняками были обычным делом, поэтому в начале 19 века для усиления пограничной охраны был создан Каменно-Озёрный отряд, в который губернатор Г.С. Волконский наряду с оренбургскими казаками привлёк красноуфимских. Вновь прибывшим место понравилось: в лесах, полях и на берегах озёр множество промыслового зверья и птиц. Кто не поленится – у того всегда на столе лосятина, зайчатина, мясо дикого кабана, гусятина и утятина.

В озёрах полно рыбы, в лугах и перелесках – грибы и ягоды. Свободных земель – не мерено, паши, засевай, выращивай хлеб.

Всё это природное изобилие привлекало в Каменно-Озёрную казаков и переселенцев.

Село быстро росло. Его население, наряду с несением пограничной службы, занималось хлебопашеством, скотоводством, охотой и рыбалкой. В 1861 году над рублеными из башкирских сосен домами взметнул в небо свой купола храм, возведенный в честь святого князя Александра Невского. Вокруг него – парк.

К концу 19 века бывший редут превратился в станцию – со школой, почтой, библиотекой, заезжим двором. В 1891 году, когда в Каменно-Озёрной побывал проездом наследник престола Цесаревич Николай Александрович, в станции уже проживало более 700 человек. День 26 июля вошел в станичную историю. Цесаревича встречали торжественно: почетным караулом из самых уважаемых казаков, джигитовкой, скачками и всеобщим гулянием. Дорогу, по которой приехал наследник престола, называли «царской». Впрочем, Николая так встречали везде, где он побывал. Казачество было благодарно династии Романовых за предоставленные льготы. Большинство казаков оренбургского края жило зажиточно, значительно лучше основного населения России. Поэтому они были верны Богу, царю и Отечеству. Эту верность они доказывали на полях сражений. История Каменно-Озёрной – это нескончаемая череда проводов казаков на войну. Где они только не воевали! В Хиве и Бухаре, в Польше и на Балканах, на Бородинском поле и в предместьях Парижа, на сопках Манчжурии и в других местах, где требовались удаль и отвага, стойкость и лихость, где был простор разгуляться казачьей шашке...

В Великую Отечественную войну каменно-озёрцы не уронили славу отцов и дедов, били фашистов на многих фронтах, штурмовали Берлин, громили японских самураев. Не все дожили до Победы, а те, кто вернулся с войны, отмечены боевыми наградами. Звание Героя Советского Союза присвоено танкисту Александру Романовичу Котяхину.

В послевоенное время Каменно-Озёрное – крупный производитель сельскохозяйственной продукции, современное благоустроенное село.

Пером и кистью

С Оренбургским краем связаны имена многих замечательных литераторов прошлого: Г.Р. Державина, А.И. Крылова, С.Т. Аксакова, А.Н. Плещеева, Л.Н. Толстого, Н.Н. Карамзина и др.

А В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Т.Г. Шевченко и И.Ф. Савичев, кроме описания Оренбурга и губернии, оставили и рисунки, которые представляют для нас особую ценность – подумать только чьей рукой они начертаны!

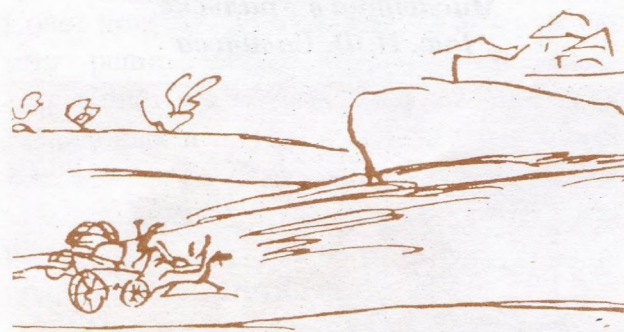
К тому же, до конца 19 века фотографии не существовало, а картин, запечатлевших наш край, сохранилось не так-то много, поэтому любой эскиз, каждый карандашный набросок той поры ценятся на вес золота.

Публикуемые ниже рисунки позволяют нам увидеть прошлое Оренбуржья глазами известных писателей и классиков русской литературы.

В 1833 году в Оренбургской губернии побывал **Александр Сергеевич Пушкин**. Он собирал материалы о Пугачевском восстании. Результатом поездки явились «Капитанская дочка» и «История Пугачевского бунта».

По привычке великий поэт делал дорожные зарисовки.

Он был отличным рисовальщиком. Об этом свидетельствуют его рукописи, испещренные шаржами на друзей, столичных сановников и даже самого царя.

Этот штриховой набросок Александр Сергеевич сделал в своей тетради 20 сентяб-

ря 1833 года, подъезжая к станции Нижне-Озёрной – в прошлом одноименной крепости. В «Капитанской дочке» эта крепость фигурирует как Белогорская.

Василий Андреевич Жуковский был проездом в Оренбургском крае в 1837 году; сопровождая Великого князя, наследника престола Николаевича в его вояже по России. Сохранились дневниковые записи поэта. Вот несколько строк из них об окрестностях орской крепости:

«... всё покрыто повылём и пусто. Взволнованная и окаменевшая пустыня. Чудный вид с высокого пункта, который срисовал. Спуск постепенный между нижними излучистыми каменными холмами, составляющими цепь. Дно сей долины. Дорога. В одном месте ключ перебежал дорогу. Замечательный характер оренбургской губернии».

Рисунок, упомянутый Василием Андреевичем, сохранился – это Орская крепость.

Так выглядела она в 1837 году.

Рис. В.А. Жуковского

Великий украинский поэт **Тарас Григорьевич Шевченко** с 1847го г. отбывал ссылку в Оренбургском крае рядовым солдатом. Ему было запрещено писать и рисовать. Однако оренбургский военный губернатор В.А. Обручев по ходатайству начальника Аральской экспедиции А.И. Бутаква разрешила Шевченко «снимать» виды в степи и берега Аральского моря.

Тараса Григорьевича включили в состав экспедиции и 11 мая 1848 года он отбыл из Орской крепости с караваном, состоящим из 3^х тысяч телег и 1ой тысячи верблюдов. По пути к Аральскому морю Шевченко зарисовал живописный форт Карабутак, строящийся на крутом скалистом берегу.

Форт Карабутак.
Рис. Т.Г. Шевченко

Дневка экспедиции корпуса в степи.
Рис. Т.Г. Шевченко

Самобытный уральский писатель, этнограф и поэт **Никита Федорович Савичев** был в свое время и известным художником. Дружил с Т.Г. Шевченко, который запечатлел его на портрете, который вы видите.

Тематика его рисунков – казачий быт. Савичев также талантливо изображал труд и забавы казаков.

Масленица в Уральске.
Рис. И.Ф. Савичева

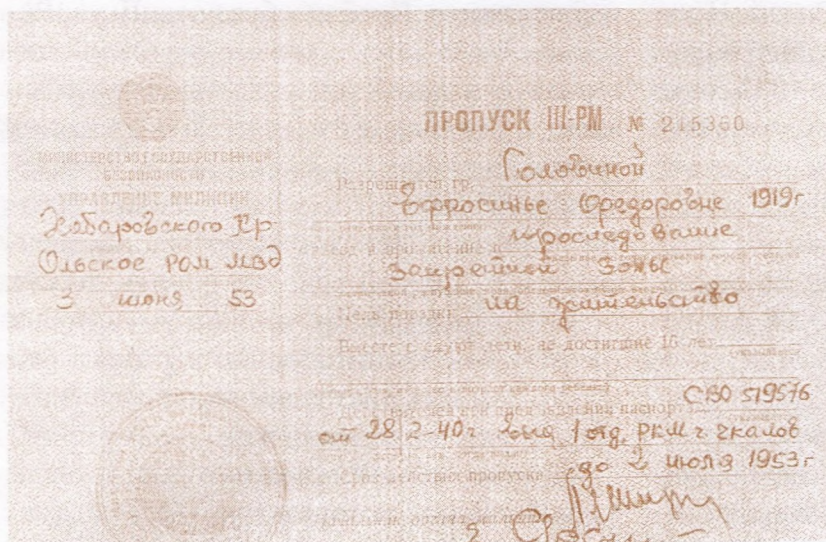

Изба из чёрного дерева.
Рис. И.Ф. Савичева

Холодная весна 53-го года

Автор этой статьи – оренбуржец Геннадий Антонович Головин. Среди старых документов он обнаружил пропуск, выданный его матери Головиной Ефросинье Федоровне для временного проживания с сыновьями в запретной зоне (точный адрес не указан). Фотографию пропуска вы видите на этой странице.

Глядя на пожелтевший от времени документ, Геннадий Антонович вспомнил свое детство и путешествие на край российской земли – в места, куда можно было попасть только или по принуждению под конвоем, или по специальному разрешению.

была запретной. Провожал нас дед Федор на конных санях. Вещей было мало: один большой сундук, который мы отправили железнодорожным багажом. Сам сундук недавно мною передан в казацкий музей на Славянском рынке.

Поезд отходил ночью. Дед проронил слезу. Он вспомнил, как много лет назад в годы своей юности (еще до революции) тоже вербовался на заработки в Бодайбо на

Мой отец Антон Николаевич, после выхода в отставку со службы в Чкаловском военном училище летчиков, завербовался в печально известное ведомство «Дальстрой». Он был по гражданской специальности учителем начальных классов, а в те времена преподавателей не хватало. И его направили в школу поселка Бараборка Хабаровского края. Устроившись на новом месте, он прислал нам вызов. Мы в ту пору жили у деда Федора Петровича и бабушки Поли в селе Нежинка. Дом деда выделялся тем, что был сложен из камня – плитняка, и толщина стен составляла более метра. Крыша была покрыта соломой и камышом.

Сейчас на этом месте великолепный коттедж. А тогда в доме кроме деда, бабушки и их дочерей жила и наша семья: мама, я и мой брат Валера. Все умещались в двух комнатах, но никто не жаловался на тесноту.

Сборы в дальнюю дорогу были скорыми, так как существовали сроки действия специального пропуска. Зона, куда мы ехали,

реке Витим, известном как центр добычи золота. Он рассказывал, как долго ехал по железной дороге, затем по рекам Лена и Витим. На это ушло несколько месяцев. И вот теперь мы отправляемся по этому маршруту.

Вагон наш был прицепным. В Хабаровске кончалась железная дорога. Вагон часто отцепляли и прицепляли к следующему составу. Иногда это происходило ночью и, просыпаясь, мы обнаруживали, что весна снова превращалась в зиму. Чем дальше мы двигались на восток, тем становилось все холодней.

Нам с братом мама в детстве читала повесть о Чуке и Геке Аркадия Гайдара и мы ощущали себя героями этого произведения. Почти две недели мы потратили на путь до Хабаровска. Город расположен между гор. Проходя по улицам, мы впервые за стеклянной витриной увидели выставленный на продажу автомобиль «Москвич», с ценником – 8000 руб., столько стоила первая советская легковушка. У витрины постоянно

толпились любопытные, а для нас этот «Москвич» казался чудом из чудес. То ли дело сейчас! На дорогах можно встретить машины всех марок мира. Их уже и парковать негде.

С аэропорта на самолете «Дуглас» мы прилетели в Магадан. Попутчиков было не много. Тогда не предлагали пассажирам карамели или минералку, а советовали открывать пошире рот, чтобы не пострадать от шума моторов, рёв был страшный. После приземления у нас несколько дней болели уши. Город Магадан основан в 1939 году. Он на два года старше нас. Это столица обширнейшего Калмыкского края, богатого залежами самородного золота. Город построен руками заключённых. Они же добывали золото в шахтах, промывали на реках золотоносный песок, прокладывали дороги в тайге и тундре, сооружали промышленные предприятия и т.д.

Содержались арестанты в десятках лагерей, разбросанных по всей Колыме и обнесенных колючей проволокой. Ночевали на нарах в холодных бараках. Кормили их баландой, на работу водили под конвоем. Тех, кто не выполнял суточную норму выработки, сажали в карцер – каменный мешок и лишали даже баланды. Заключенные жили в ужасающих условиях.

Об этом я узнал позже, а тогда, в пятидесятые годы, Магадан показался мне раем. Отец встретил нас на машине и отвёз в гостиницу. Мы удивились приготовленному для нас угощению. На столе лежали горы деликатесов из рыбы: балыки, копченые спинки, красная икра и другие лакомства, которых мы в Чкалове не видели и о существовании которых вообще не подозревали. Казалось, мы попали в край изобилия.

Утром за нами приехали на двух санях, запряженных лошадьми. Извозчиками были то ли эвены, то ли орочи, или ороченны. Всех нас укутали шубами. Ехать надо было по прибрежной полосе Охотского моря – 27 километров до районного центра Ола по зимнику. Посёлок Ола по-эвенски означает «рыба». Основан в 1645 году. 31

декабря 1957 года он получил статус посёлка городского типа. В реке Ола сосредоточено до 80% запасов горбуши, до 20% запасов кеты и до 25% запасов кижуча Магаданской области. До конечного маршрута надо было ехать еще столько же, через посёлок Гадля, и еще дальше – туда, где на краю тундры находится посёлок Бараборка. Этот пункт и был указан в нашем пропуске. Посёлок состоял из одной улицы и двухквартирных домов. Посёлкообразующим учреждением была санаторно-лесная школа-интернат для детей оленеводов. Дети здесь жили и учились, а их родители кочевали в тундре со стадами оленей. Для них основным транспортом являлись олени и собачьи упряжки. Посёлок окружали лиственницы и кедровый сланик. Летняя дорога отсутствовала. Выбраться из этой глуши летом можно лишь по сопкам, зарослям кедрового сланика, лиственницы, ольхи, кустов смородины, жимолости и других растений.

Главным общением с материком были радио и письма, которые доходили сюда через несколько недель. Здесь мы жили и учились в школе всю зиму.

В июне стало тепло, снег исчез, но вдали в горах он сохранялся круглогодично. Нас с братом посадили на коней, привязали крепко, чтобы не упали, погрузили вещи и двинулись по сопкам в посёлок Гадля. Это эвенкийское слово переводится как «место нереста рыбы». Переселение было вызвано тем, что в Гадлю перевели на работу нашего отца. Там высвободилось место директора начальной школы. Бывший директор вышел на пенсию. Вместо него назначили отца. Мы ехали к нему. Путь был настолько непроходим, что в некоторых местах наши попутчики вырубали топорами упавшие деревья, торили тропу среди нагромождения камней и валунов.

В посёлке Гадля главным зданием являлась школа. Имелись также клуб, в котором демонстрировались кинофильмы, магазин, фельдшерско-акушерский пункт, электростанция, лесопильный цех (где начальником был Музыр Федор Дмитриевич). Все

руководители имели квартиры в зданиях тех учреждений, которые они возглавляли. Это было хорошо придумано – им не надо было добираться до места работы в ужасные морозы и метели. Население состояло из коренных жителей, но их было меньше, чем бывших политических ссыльных, пожелавших поселиться здесь, и работавших вольно-наемно. Взаимоотношения среди всех были доброжелательными. Рядом со школой жила семья Амосовых – это были аборигены и род их древний. Дом у них большой, но без перегородок. Вдоль трех стен стояли кровати и топчаны. Дверь открывалась сразу на улицу, сени отсутствовали. Самым неожиданным было то, что посреди жилища лежала корова. Здесь она зимовала. Сено ей не заготавливали, сарай не строили. Корова ходила по посёлку и сама промышляла себе корм. Чаще всего она посещала подсобное хозяйство, где всегда имелось сено. У Амосовых одних в посёлке была упряжка собак. Кормили их сушеной рыбой – юколой. Горбушу добывали в реке Ола, развешивали на натянутой проволоке и сушили. Зимой собакам давали по 1-2 сухой рыбине. Зимой хозяин раза два выезжал в тундру на собачьей упряжке за мясом оленей.

В реке Ола водятся хариус, мальма, кунжа. Красная рыба заходит только на нерест. Когда она отнерестится, она измученная и невкусная. Такую рыбу называют дохлой. К концу нереста все берега завалены такой рыбой и торжествуют чайки.

Центром культуры и образования была неоспоримо школа: 24 ученика на 4 класса и один учитель. Имелось две классных комнаты, библиотека с большим количеством книг и большой зал, где проводились уроки физкультуры и другие школьные мероприятия. Туалет был метров за 50. Надо представить, как несколько поколений малышей в пургу, метель и 50-градусный мороз бежали к этому сооружению. Но знания мы получали прочные, несмотря на отдаленность от «Большой земли».

Многое зависело от изобретательности, таланта, умений и навыков учителя. Труд-

но судить об их материальном благосостоянии, но, думаю, оно было достаточным для жизни. Одна рыбина кеты стоила 5 рублей, горбуша не продавалась, было не принято. Кожаное пальто, называемое реглан, стоило 1000 рублей, 1 кг шоколада – 90 рублей, корова от 18000-20000 рублей. Упомянутый мною Музыр Федор Дмитриевич предложил отцу взять у него в рассрочку корову, поросенка и кур. Куры жили в прихожей квартиры и всю зиму снабжали нас яйцами. В прихожей им было тепло, светло. Здесь всегда горело электричество. Охотники привозили тюленей, которых называли нерпами или морскими зверями. Не хотелось бы обижать морских зверей, но по-настоящему – это мешок с жиром. Они питаются рыбой, поэтому чтобы устранить ее запах, надо долго варить мясо в соленой воде. Запах во время варки весьма специфический. Из тундры привозили оленину. У оленья самое экологически чистое мясо в природе. Олень живет в тундре и кроме мха и травы ничего не ест. Летом в окрестностях посёлка много ягод смородины, жимолости, голубики. В тундре много морошки – это желтая ягода по форме похожая на ежевику, но растет на тоненьких стебельках, напоминающих ниточки. Когда взрослые выезжали за ягодами или на рыбалку во время нереста, то ЗИС-5 был полон желающих. Улов всегда был богатым. Мама отправляла в Нежинку деду и бабушке посылки с рыбными продуктами. Они угощали соседей этими деликатесами. То, что продается обычно в замороженном виде – не идёт ни в какое сравнение с только что пойманной свежей рыбой.

С братом мы тоже ходили рыбачить на реку Ола. Крючки делали сами из круглой проволоки и крепили к леске. Заводские крючки не годились. У них имеется язычок, и он рвет икринки, которые надо нанизывать как приманку. Икра от красной рыбы – лучшая приманка. Грузило надо прикреплять, а поплавок не нужен. Достаточно забросить наживку в воду и подсечь добычу. В основном это хариус, мальма и кунжа. Мы

всегда приносили с рыбалки улов на две жерехи. Ведро жимолости можно было набрать в пятидесяти метрах от посёлка. Дальше уходить не разрешали в целях безопасности.

Летом на Севере жить можно, если бы не тучи кровососов – мошкары и комаров. Спасенья от них нет. Аборигены к ним как-то приспособились, но для свежего человека – это наказание божье. Рассказывают, что в тундре воздух так плотно насыщен мошкой, что она забивает дыхательные пути оленей и животные погибают от удушья. Нам эти насекомые тоже испортили немало крови.

Учиться в 5 классе следовало в районном центре Ола. Здесь имелась средняя школа, в которой учились дети с разных соседних поселений. Меня устроили на квартиру к семейной чете, очень доброй и приветливой. Они провожали меня в школу и ожидали с готовым обедом. Жил в отдельной комнате. Конечно, их давно нет на свете, но моя благодарность к ним умрет вместе со мной. «Добрые» новые «друзья» убедили меня перейти в интернат. Они утверждали, что там будет «весело». Интернат состоял из избы, разделенной помещением для столовой, которая служила и комнатой для подготовки уроков. В одной половине жили мальчишки разных возрастов, в другой девочки. Но так как свободной кровати для меня не оказалось, то ходить на ночлег приходилось в детский дом, который находился на значительном расстоянии от интерната. В детском доме, конечно, были комфортные условия: столовая, теплые туалеты, уютные помещения, спальни, сушилки для обуви. Ничего подобного в интернате не было. Утром я шел на завтрак в интернат, затем в школу, после школы на обед в интернат, где толкался до ужина, а после ужина отправлялся на ночлег в детдом. Так и курсировал весь учебный год.

В детском доме, где я ночевал, действительно было «весело». В спальнях комнатах находилось по 8-10 детей, разного воз-

раста, но не старше 12 лет. Среди них выделялся лишь единственный переросток, девятиклассник Лёша. Его подсадили к малышам, видимо, для того, чтобы он следил за порядком. А он издевался над младшими. Любимой его забавой был «велосипед». Это когда спящему человеку между пальцами ног вставляют бумажные полоски и поджигают их спичкой. От боли и неожиданности малыш просыпается и, не поняв в чем дело, начинает дрыгать ногами, словно нажимает на велосипедные педали. Отсюда и название издевательства – «велосипед». То же самое проделывалось с руками – это называлось «гармошкой». Всё заканчивалось ожогами, а Лёша от удовольствия хохотал и упорно повторял свои забавы. Пришлось испытать велосипедные «прелести» и мне.

«Веселая» жизнь в интернате и детском доме для меня закончилась печально. Постоянные хождения по морозу и ветру, непросушенная обувь, отсутствие нормальных условий для жизни, сделали свое дело – я заболел серьезно и надолго. К учебе в 5 классе уже не вернулся. Брат уходил на уроки, родители на работу, а я оставался один в квартире и читал книги. Их было множество. Вот некоторые: «Школа» А. Гайдара, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева и много других, которые находились в школьной библиотеке. Другим занятием было прослушивание передач по радио. Все передачи велись из Москвы. Слова «Говорит Москва» звучали магически.

И вот 1 марта я первым услышал информацию о болезни нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. В последующие дни внимание всех было обращено к репродуктору.

5 марта пришло известие о смерти Сталина. Взрослые по-разному реагировали на это событие. Отец, выходец из крестьянской семьи, помнил о раскулачивании, продразверстках и продотрядах, о репрессиях 1937 года. Он был образованным человеком – окончил педагогический техникум и Чкаловское лёт-

ное училище – поэтому прекрасно понимал, что происходит в стране. Понимал, ужасался и не мог смириться. Не побоялся ходатайствовать за деда Федора, которого арестовали за продажу махорки, которую ему выдали вместо денег за работу в Ташкенте. Деду нужно было кормить семью, а махорку на обед не подашь. Деда из тюрьмы освободили, а отца чекисты взяли на заметку. И когда он позже вступился за брата моей мамы Виктора, то и сам оказался под подозрением, за ним началась слежка. Его бы, конечно, арестовали, но он вовремя завербовался и уехал в Сибирь, а затем на Колыму. А здесь от односельчан и сослуживцев, бывших политзаключенных, узнал о масштабах и ужасах «Дальстроя». Естественно, он ненавидел Сталина и даже при нас называл его палачом.

А мама искренне переживала смерть вождя. Даже плакала. Её можно понять. Она тревожилась: что произойдет со страной без Сталина? Всё-таки при нём народ разгромил фашистов, при нём ежегодно снижались цены на товары и продукты, отменялись налоги, люди с уверенностью смотрели в будущее. Поэтому мама не разделяла радости отца и очень печалилась по поводу смерти вождя. Нам, мальчишкам, тоже было как-то не по себе, но не долго.

Болезнь моя прогрессировала, не спадала температура. Отец повёз меня на санях в районную больницу. Пожилой врач приложил к моей груди стетоскоп, послушал, повертел меня и так, и эдак, и велел одеваться. А когда я вышел из кабинета, сказал отцу:

- Зачем вы его так поздно привезли? У вашего сына быстрая чахотка, через три дня он умрёт...

Спасибо отцу, он не опустил руки, решил бороться со страшной болезнью, и повёз меня в тубдиспансер. До сих пор помню врача-пульмонолога Зульфию Джалиловну, которая поставила правильный диагноз и назначила лечение от отёка лёгких. Она спасла мне жизнь, но предупредила, что оставаться на Колыме мне нельзя, долечиваться должен в сухом и тёплом климате. Семья стала готовиться к отъезду.

В июне родители взяли отпуск на материк, всё свое хозяйство продали. Вместе с отпускными набрали сорок тысяч рублей. Этих денег должно было хватить на дорогу и обоснование на новом месте жительства.

От берегов Охотского моря мы отчалили на кунгасе. Это огромная по размерам лодка типа баржи. На фарватер ее отбуксировал катер. Далее поплыли самостоятельно. К вечеру были уже в бухте Нагаево у Магадана. Но море разыгралось, причалить не удалось. Нас переносили до берега на руках. Здесь собралось огромное скопище народа. Все стремились любыми способами попасть на пароход или самолёт, чтобы попасть на материк, в Москву и проводить в последний путь И.В. Сталина. Достать билеты в кассе было невозможно, а у спекулянтов они стоили бешеных денег. Нам повезло – помогли мои больничные справки. Вы взошли на палубу огромного океанского лайнера «Ильич». Это судно принадлежало фашистской Германии и взято после войны в качестве трофея.

Пассажиры теснились везде – и на палубе, и в трюмах, причём каждый сантиметр пространства приходилось брать с боем. Отец опять пошёл к капитану корабля с моими больничными документами и – о чудо! – нам предоставили отдельную каюту.

Через несколько дней прибыли в порт Находку. Это недалеко от Владивостока. Находка покрыта зеленью, на горах растёт дикий виноград. А Владивосток в то время был закрытым городом. Издалека казалось, что на всех возвышенностях вокруг него установлены артиллерийские орудия.

На железнодорожной станции Узловая мы, наконец, заняли место в вагоне. Обратный путь на малую родину никакими особыми происшествиями не запомнился. В Оренбурге нас вновь встречал дед Федор.

Холодная весна 1953-го года заканчивалась. Начиналась новая жизнь.

Г. Головин
(Окончание следует)

Наша викторина

В предыдущем номере журнала мы просили читателей ответить на вопросы:

1. Кто в период Первой мировой войны был первым полным Георгиевским Кавалером среди всех казачьих и кавалерийских войск России?

2. Сколько оренбургских казаков в Гражданскую войну сражалось на стороне белых и численность их в красных войсках?

Скажем сразу: ответов на вопросы викторины получено немного. Да мы на большее и не рассчитывали, так как слишком мал тираж нашего издания, а значит ограничено и число читателей – потенциальных участников викторины. И всё же письма есть, чему мы очень рады.

Подробный и совершенно точный ответ на первый вопрос прислал житель Оренбурга **Михаил Викторович Патрикеев**. Вот что он пишет:

«Георгиевским кавалером среди всех кавалерийских и казачьих войск России был казак Миасской старицы Оренбургского казачьего войска Иван Васильевич Пашнин. Войну он начал в составе 3-го Самаро-Уфимского казачьего полка. О его лихости и отваге ходили легенды. Но мы воспользуемся лишь описаниями его подвигов, запечатленных в сухих и кратких строчках наградных листов.

Свой первый Георгиевский крест Пашнин получил за бой, где «под огнем противника вместе с товарищами рубил и резал проволочное заграждение, чем открывал дорогу нашим атакующим частям и дал возможность выбить противника. Сам также принимал участие в атаке». Казаки налетели на австрийскую пехоту, смяли ее и вынудили к бегству. Двадцатичетырехлетний урядник Иван Пашнин, преследуя их, зарубил нескольких неприятельских солдат, а некоторых взял в плен.

За этот бой он получил Георгиевский крест четвертой степени.

Спустя всего несколько дней он совершает еще один подвиг – под прицельным огнем противника доставляет донесение командира полка в штаб 12-ой кавалерийской дивизии. Это случилось 27 августа. Следующие двое суток, рискуя жизнью, ему пришлось делать то же самое и он «выполнял возложенное на него блестяще». Командование наградило его Георгиевским крестом третьей степени.

Затем он «выказывает редкую отвагу и рассудительность» во время неожиданного ночного нападения противника на наши войска у местечка Гуменец. Хладнокровно встречает врага с шашкой в руке, подавая пример товарищам, и тем самым предотвращает панику в казачьих рядах. Награда за подвиг – Георгиевский крест второй степени.

В декабре 1914 года «под действительным артиллерийским огнём Пашнин был отличным помощником по восстановлению телефонной связи со штабом дивизии, что весьма облегчило доставку сведений в штабы при плохом состоянии дорог». На груди смельчака засиял Георгиевский крест 1ой степени.

Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич награждает его чистокровным боевым конём и почётной шашкой с Золотым Георгиевским крестом на эфесе.

Лихой казак вёл тяжелые бои на Днестре в 1915 году, ходил в конные атаки в знаменитом Брусиловском прорыве 1916 года.

За удачу заслужил Георгиевские медали с надписью «За храбрость» и Золотую шейную медаль «За усердие» на Станиславской ленте, был произведен в офицеры.

Иван Васильевич Пашнин героически защищал Отечество от врагов и поэтому достоин уважения и памяти потомков. Однако долгих 95 лет страна ничего о нём не знала. Был наложен запрет даже на упомина-

ние его имени. Советская власть не могла простить Пашнину то, что в Гражданскую войну он был на стороне белых и вместе с остатками войск атамана Дутова ушёл в Китай.

Дальнейшая его судьба неизвестна».

На второй вопрос Михаил Викторович ответить затруднился, ограничившись замечанием, что казаков в рядах белых войск было больше, чем в красных. В общем-то, правильно.

Но более конкретные сведения привела в своем письме **Юлия Григорьевна Шипорина**:

«Точных данных на этот счёт по всей вероятности нет, потому что на разных этапах Гражданской войны одни и те же казаки зачастую сражались то за белых, то за красных. Это объясняется не только неопределённостью их политических взглядов, но и тем, что и белые, и красные насильно мобилизовывали население в свои войска. Кроме того, значительную часть пленных белока-

заков (особенно в 1919 г.) Красная Армия вливала в свои ряды и использовала для разгрома Колчака, Денискина, а позднее и Врангеля.

Однако по мнению историков Советскую власть поддерживала лишь треть оренбургского казачества. По их подсчётам в 1918 году приблизительно 15 тысяч казаков были на стороне Советов, а остальные 45-50 тысяч воевали в армиях Колчака и атамана Дутова».

Белые

Красные

Браво, Юлия Григорьевна!

Итак, у нас два победителя викторины: **М.В. Патрикеев и Ю.Г. Шипорина**. Как и было обещано, они получают подарки.

А теперь новый вопрос: **Какими льготами пользовались полные Георгиевские кавалеры?**

Ответы присылайте по адресу: проспект Братьев Коростелевых 1, офис № 2, редакция журнала «Славянский базар». И обязательно на конверте сделайте пометку «Викторина».

Опальный герой

Мало кому известно, что прославленный генерал, герой войн эпохи Екатерины II, граф Федор Петрович Денисов начинал свой ратный путь в Оренбургском крае, куда прибыл в начале февраля 1756 года. На оренбургской пограничной линии он прослужил около семи лет. Служба была опасной и тяжелой.

В то время в должность оренбургского губернатора вступил генерал-майор Афанасий Романович Давыдов – человек крайне бестактный, сварливый, заботившийся более всего об удовлетворении своего самолюбия, чем о деле. Эти качества нового начальника края сразу же обострили и без того непростые отношения с новоподданными киргизскими ордами. Оскорбив хана малой орды Нурали, Давыдов подлил масла в огонь. Киргизы вновь начали грабить проходящих и проезжающих едва ли не прямо у стен города. Орда без разрешения перешла через Яик на русскую сторону, грабила поселения, угоняла скот. Иногда стычки казаков с киргизами заканчивались убийством.

К 1761-му году возобновились грабежи купеческих караванов и торговля в Оренбурге, выпестованная трудами и заботами И.И. Неплюева, почти совсем прекратилась. Киргизы нападали даже на солдат. Обстановка на границе с каждым днём становилась всё тревожней. Вот в какой обстановке начинал свою службу есаул Ф.П. Денисов.

Боевой опыт, приобретенный в оренбургских степях, пригодился ему в будущем.

Он был храбр, вынослив и от природы наделён полководческим талантом. Это помогало ему быстро продвигаться по служебной лестнице и одерживать победы над врагами всех мастей. О его боевых достоинствах луч-

ше всего сказано в жалованной Высочайшей Грамоте по случаю возведения его в графское достоинство Российской Империи (дается в сокращении):

«В 1772 году апреля 30 за Дунаем при разбитии четырехтысячной турецкой партии, из которой побито до 500, в плен взято 120 человек и 7 знамен, да из болгар, живущих там с женами и детьми, 3000 человек. Также разбил при Горы-Балах расположенный турецкий корпус, причем на месте убито 65, в плен взято 100 человек, 17 пушек и 4 знамени.

...В 1773 году за Дунаем у озера Карасу при разбитии турецкой армии, бывшей под командой сераскира Чауш-паши, которые им при том случае взяты в плен с знатным числом рядовых, 5 знамен и 8 пушек. Под Варною при вылазке из оной ранен пулей в грудь.

...Под крепостью Шумлюю разбил турецкую конницу, состоящую в 17 000 всадников, прогнал оную за Шумлу, тут у неприятеля убито до 2000 человек, в плен взято 159 и 15 знамен; 25-го командирован в Балканы и в деревне Челькавак, атаковав Юсуп-пашу с отрядом, разбил его и прогнал за Балканы, в плен взято 70 человек и 3 знамени, а на месте убито до 500 человек, причем ранен пулею в правый бок.

...В 1790 году, командуя передовым корпусом, напал на польское войско при Буге, состоящее из 13 000 человек, разбил оное, отбил 7 батарей. На месте убито до 1100, да в плен взято 67 человек.

...Под Щекоченым, атаковал главнокомандующего польскими войсками генерала Костюшку с многочисленным корпусом и разбил оный, на месте убито 17 000, в плен взято до 3000 человек, 16 пушек и 27 знамен.

...Разбил при Мочевицах под начальством Костюшко корпус, состоящий из 13 000 человек, на месте убито 9500, в плен взяты сам Костюшко, генералы Каменский, Сираковский, Княжевич, до 200 штаб и обер-офицеров и до 3000 нижних чинов, 22 пушки и 26 знамен.

За оказанные им по службе подвиги, Всемилостивейше возложены на него ордена: Св. Александра Невского, Св. Анны I класса, Св. Великомученика и Победоносца Георгия II класса, Св. Равноапостольного князя Владимира II класса, Св. Иоанна Иерусалимского Большого Креста и Всемилостивейше жалован бриллиантовым пером, двумя саблями, камнями украшенными, с вензелевым на них Высочайшим именем, и деревнями, в коих 1200 душ.

Там же пожалован от Его Величества короля Прусского Фридриха II орденом Красного Орла и Его Величества короля Польского Станислава-Августа орденами Белого Орла и Св. Станислава.

А 1799 г. апреля в 4-й день Мы, признавая отличное усердие и труды его любезно верно-подданного нашего генерала от кавалерии Денисова, на пользу службы Нашей подъяемые, Всемилостивейше пожаловали его в графское Империи Нашей достоинство, распространяя оное на все потомство мужеска и женска полу, от него происходящее...».

Казалось, что возведение в графский титул генерала от кавалерии, командира гвардейского казачьего полка, говорило о том, что Денисов находится в особом почете у Павла I. Но судьба действительно непредсказуема. Не прошло и года, как первый граф из казаков оказался в царской опале. В марте 1800 года Федор Петрович отставляется от службы «за проволочку препорученного ему дела по комиссии военного суда».

Однако в ноябре того года он вновь попадает в милость самодержцу. Его опять принимают на службу с назначением шефом Лейб-Казачьего полка. Он снова бывает при дворе, неизменно участвуя в парадах и смотрах войск, более чем часто проводимых императором Павлом I.

В январе 1801 года Денисов вновь попадает в опалу. Его опять отставляют от службы «за беспорядки, происшедшие в полку, ему вверенном». Хотя то, что произошло в полку казачьей гвардии, беспорядками нельзя было назвать даже с натяжкой.

Три царские опалы за такой короткий срок – факт поразительный. Особенно если учесть то, что венценосный Павел I высоко ценил мнение бесспорно правдивого и прямого Федора Петровича, которого он безуспешно старался приблизить к себе.

Опальный Денисов не остался в северной столице. Не согласился он жить и в тогдашней войсковой столице Черкасске. Казачий граф уехал в свою родную станицу Пятиизбянскую, где и умер, оплакиваемый почитавшим его имя донским казачеством. А высочайшую грамоту о пожаловании ему графского титула получил уже от воцарившегося сына Павла I – императора Александра I Павловича.

...Результаты боевой деятельности донского казачьего вождя и героя поразительны. За время своей долгой службы генерал от кавалерии граф Ф.П. Денисов участвовал в 22 сражениях. Казачьи полки под его предводительством уничтожили более 50 тысяч неприятельских солдат и офицеров, взяли в плен около 10 тысяч, в том числе шесть пашей и генералов. Трофеями при этом стали 107 артиллерийских орудий и 161 вражеское знамя.

А. Шишов

Удружил

Невыдуманная история

Есть у меня давнишний приятель Мишка. Так мы его в детстве называли, а сейчас он – Михаил Иванович, человек солидный, известный в городе хирург. Гаражи наши радом и видимся мы с ним почти ежедневно.

Вот и в тот день встретились, поздоровались, присели на лавочку покурить. Торопиться было некуда – машины наши стояли на приколе из-за отсутствия бензина. Это было во время очередного регионального энергетического кризиса перед повышением цен на горючее. Бензоколонки опустели, автолюбители были в шоке. Вот и мы с Михаилом Ивановичем кляли на чем свет стоит бензиновых королей, сетовали на экономическую нестабильность и гадали, где бы раздобыть горючее.

И вдруг появился Феликс. Он тащил к своему гаражу тяжелую двадцатилитровую канистру.

Нас с лавочки, как ветром, сдуло, подскочили к нему:

- Ты где это отоварился? Как удалось?

Феликс самодовольно ухмыльнулся:

- Фирма веников не вяжет. Уметь надо!

Насмешливо оглядев нас, снисходительно пояснил:

- Дружок у меня мохнатую руку имеет. Он и отоварил, причем, заметьте, всего за пузырек водки.

У Михаила Ивановича загорелись глаза.

- Феликс, миленький, – взмолился он, – может, ты и мне через своего друга доставишь? Заплачу, сколько скажешь. Понимаешь, мне тещу вечером с поезда встречать надо, а бензобак сухой.

Феликс замотал головой:

- Рад бы услужить, да в Сорочинск уезжаю. Вот вернусь, может быть тогда...

- Но теща! Понимаешь, теща! – канючил Михаил Иванович, – ты вникни. Если бы не теща, я бы у тебя не просил. Выручай, друг!

Феликс молчал, что-то соображая. Потом махнул рукой:

- Ладно, так и быть, раз такое дело – забери! За сколько купил, за столько и отдаю.

Михаил Иванович чуть не подпрыгнул от радости.

- Вот спасибо! Вот это по-человечески, – он счастливо заулыбался, засуетился, – пойдем ко мне. У меня как раз бутылочка есть и огурчики найдутся.

Втроем мы зашли в его гараж. Опрокинули по рюмке, похрустели ядреными солеными огурчиками. Михаил Иванович расчувствовался:

- Все-таки дружба – это великое дело, – философствовал он, – только так и надо жить, выручая друг друга. Хороший ты мужик! – хлопнул он Феликса по колену.

- Стараюсь, – скромно и загадочно улыбнулся тот.

...Когда бутылка опустела, Феликс потянулся к принесенной канистре.

- Пить хочется, – пожаловался он и, отвинтив пробку, забулькал прямо из горловины.

Мы опешили.

- Ты, ты, ты что делаешь?! – запинаясь от волнения, всполошился Михаил Иванович.

Феликс вытер ладонью губы:

- А вы тоже хлебните, не стесняйтесь – и вдруг захохотал так, что с крыши гаража вспорхнули испуганные голуби. Сообразив в чем дело, засмеялся и я. Михаил Иванович ошарашено смотрел на нас, потом и сам захохотал. За бутылку водки он купил 20 литров водопроводной воды. В погоне за дефицитным бензином мой приятель совсем забыл, что в тот день на календаре стояло первое апреля. Это был классный розыгрыш!

Е. Днепровский

Здесь вы найдете всё – продукты и промышленные товары.

Здесь заботятся о покупателе и продавце.

ДЛЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ –

разнообразная и гарантированная высококвалифицированной службой ветлаборатории доброкачественность продукции, не завышенные цены, чистота и вежливое обслуживание.

ДЛЯ ПРОДАВЦОВ –

дешевая арендная плата, для продающих продукцию своих садово-огородных участков (не перекупщиков) – бесплатные торговые места.

ДЛЯ ВСЕХ –

порядок, система охраны УБОБ, видеокамеры, охраняемая бесплатная парковка автомобилей.

Рынок работает без выходных с 9 часов утра до 19 часов вечера.

АДРЕС: проспект братьев Коростелевых, 1. ПРОЕЗД: тр. 2, авт. 17, 22, 25, 35.

ПРИХОДИТЕ – ПОКУПАЙТЕ! ПРИЕЗЖАЙТЕ – ПРОДАВАЙТЕ!

Успехи коллектива «Славянского базара» отмечены благодарностями, грамотами, дипломами городской администрации, от губернатора удостоены почетного звания «Лучший рынок Оренбуржья».

*Журнал можно приобрести
в газетном киоске ТК «Славянский базар - Казачий»*

